

**Марьяна Вадимовна Скуратовская
Елена Владимировна Прокофьева
100 великих свадеб
Серия «100 великих»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6002542
100 великих свадеб : Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-9533-5521-6*

Аннотация

Свадьба – всегда красивый праздник. Но если в брак вступают знаменитости или люди, стоящие на верхних ступенях власти, – свадьба становится уникальным событием. Известны свадьбы, поразившие современников своим богатством и размахом. Иные свадьбы можно сравнить с государственными переворотами – таковы были их последствия для стран и народов. Известны скандальные свадьбы. Существуют свадьбы, о которых помнят до сих пор – так громко они прозвучали и так долго их обсуждали. Очередная книга серии знакомит читателя с самыми незабываемыми свадьбами мира.

Содержание

Предисловие	4
Древний мир	6
Елена Прекрасная и Менелай Микенский	6
Самсон и Далила	10
Царь Артаксеркс I и Эсфирь	13
Сократ и Ксантиппа	15
Александр Македонский и Роксана	18
Гай Юлий Цезарь и Корнелия Цинилла	21
Гай Юлий Октавиан Август и Ливия Друзилла	27
Гай Кальпурний Пизон и Корнелия Орестина	29
Средневековье и Возрождение	31
Король Эдуард II Английский и Принцесса Изабелла Французская	31
Лайонел, герцог Кларенс и Виоланта Висконти	34
Иаков II Шотландский и Мария Гельдернская	37
Карл Смелый, герцог Бургундии и Маргарита Йоркская	39
Иван III и Зоя (Софья) Палеолог	43
Георг, герцог Баварский и Ядвига Ягеллонка	46
Эрцгерцог Максимилиан, будущий император Максимилиан I, и Мария Бургундская	49
Джан Галеаццо Сфорца и Изабелла Арагонская	52
Карл VIII и Анна Бретонская	55
Великий князь Василий III и Соломония Юрьевна Сабурова	57
Генрих VIII и Екатерина Арагонская	60
Шотландский король Иаков V и Мадлен Французская	63
Филипп Испанский и Мария Кровавая	65
Франциск II и Мария Стюарт	69
Царь Иван IV Грозный и Марфа Васильевна Собакина	73
Король Генрих Наваррский и принцесса Маргарита Валуа	76
Фердинанд I Медичи и Кристина Лотарингская	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Елена Владимировна Прокофьева, Марьяна Вадимовна Скуратовская

100 великих свадеб

Диару Туганбаеву, моему мужу и другу.
М. Скуратовская

Предисловие

*Но свадьбу я в другом ладу сыгрую,
Среди торжеств, и зрелищ, и пиров.*

У.Шекспир. Сон в летнюю ночь

Рождение, вступление в брак, смерть – три главных вехи в жизни человека, на протяжении тысячелетий отмечающиеся особыми обрядами. И именно свадьба празднуется особенно торжественно и пышно – ведь она одновременно означает и конец, и начало; конец жизни в одиночестве и начало жизни совместной, символическую смерть в рамках своих прежних семей и рождение семьи новой.

Через эту церемонию рано или поздно проходят если не все, то большинство из нас, и именно это нас и роднит, вне зависимости от того, в каком веке мы живём, к какой культуре принадлежим. Свадьба фараона в Древнем Египте, свадьба немецкого маркграфа в Средние века, свадьба в маленькой карпатской деревушке в конце XIX века... Детали обрядов могут иметь сотни различий, тысячи нюансов, но суть при этом остаётся всё той же. Он, она, признание их союза и праздник в его честь.

И выбрать свадьбы, подходящие под определение «великие», нелегко. Понятно, что от праздника, который мы так назовём, ожидается, что он оставил некий след в истории, – но какой именно?

О, следы от некоторых тянутся сквозь годы, а порой и века, как длиннейший шлейф свадебного платья какой-нибудь прекрасной принцессы-невесты...

Некогда свадьба правителей или их отпрысков могла означать серьёзные последствия для целых стран – в связи с обретением или потерей территорий, окончанием или началом военных действий, а семейный союз означал одновременно союз политический, военный, торговый. Чаше всего там не было места любви, но до любви ли между двоими людьми, когда решается судьба многих? Высокое положение новобрачных с самого рождения готовило их к тому, что свадьба будет не для них, а для тех, кого судьба поставила под ними и над ними. Вот и передвигали по шахматной доске мира юных невест, власти у которых над собственной судьбой было даже меньше, чем у пешек. И быть может, осознание важности своей роли служило многим из них утешением... К тому же порой в подобные союзы всё-таки замешивались любовь и страсть, и тогда они становились ярким исключением, вызывающим ещё больший интерес.

А ещё свадьба – это праздник, который обычно стараются сделать красивым. И множество свадеб именно так и вошли в историю – своей роскошью и размахом сопровождавших их увеселений, от танцев и музыки до турниров, от фейерверков до раздачи подарков гостям.

А ещё свадьба могла быть и не особенно пышной, зато жених или невеста, а иногда и оба были чем-то знамениты, и тогда даже скромная церемония могла не оставить окружающих равнодушными.

Долгожданные и неожиданные, размеренно-роскошные и скандальные, по любви и без неё, между равными и нет, прошедшие недавно или несколько веков (а то и тысячелетий) назад, описанные в современной прессе и старинных хрониках, оставшиеся лишь в рассказах или оставившие частички себя в музейных коллекциях – словом, разные, но каждый раз чем-то выдающиеся, запомнившиеся, «громкие» – именно такие свадьбы описаны на страницах этой книги.

И последнее. Несмотря на то что здесь о свадьбах будет сказано так много, нельзя не добавить, как бы парадоксально это ни прозвучало – не столь уж и важно, как пройдет этот день. Да, это праздник, а порой – самый яркий праздник в жизни. И часто можно услышать, что «свадьба – самый главный день в жизни женщины». Не будем даже обращать внимания на то, что о мужчинах так не говорят, и просто отдадим дань тем векам, когда в жизни женщины не было ничего важнее семьи. Дело не в этом. Свадьба – это день. Два. Неделя. Порой месяц. И... И только. А вот после неё начинается совместная жизнь. Никакой самый роскошный праздник не в силах обеспечить семейное счастье, точно так же, как самая скромная (или неудачно прошедшая) церемония не в силах это счастье испортить.

Не важно, как прожит этот день. Важно, как будет прожита жизнь, которая последует за ним.

Древний мир

Елена Прекрасная и Менелай Микенский

XIII век до нашей эры

Это была самая громкая свадьба в Древней Спарте. Царь Тиндарей выдавал замуж свою дочь, самую выдающуюся красавицу во всей Греции, а то и на всем белом свете: Елену, которую называли не иначе как Прекрасной. В Спарте собрались женихи из всех соседних царств, и было их так много, и все они чем-то да славились – кто царевич, а кто великий воин... Тиндарей начал опасаться, что соперники, уже проявлявшие неумеренную воинственность, передерутся и прямо в Спарте начнутся кровопролитные бои. Между тем хитроумный Одиссей, который также сватался к Елене, предложил Тиндарею позволить красавице самой выбрать себе мужа, что для тех времен было передовым подходом к вопросам брака. Тиндарей принял совет, а сам еще и потребовал от женихов клятву, что все они смирятся с выбором Елены, каким бы он ни был, и не станут враждовать, а весело отпразднуют ее свадьбу.

...Когда-то люди не сомневались, что Елена Прекрасная, она же Елена Спартанская и Елена Троянская, никогда не существовала в действительности и являлась только персонажем мифа. Но с тех пор, как Шлиман доказал, что Троя существовала на самом деле – та самая Троя, которую в Греции называли Илионом, которую осаждали корабли царя Агамемнона, и когда доказали, что существовал когда-то Агамемнон... появились сомнения: а может быть, и все остальное тоже было когда-то? И у Елены Прекрасной тоже был образ: какая-то красавица, которую похитил троянец у спартанского царя? В вопросе, кто были родители Елены, имеется ряд расхождений. Самый распространенный миф – отцом ее стал Зевс, в образе лебедя явившийся к прекрасной спартанской царевне Леде и соблаздивший ее, а после уже Леда вышла замуж за спартанского царя Тиндарея. Иного объяснения необыкновенной красоты Елены у ее современников не было. Существовал еще миф, согласно которому Елене предстояло пять раз выйти замуж и стать причиной кровопролитной войны. И если верить мифу, то прежде, чем стать женой Менелая, Елена еще девочкой была похищена пожилым уже Тесеем, который успел на ней жениться, но братья поехали за ней и вернули ее домой.

Поцелуй (предположительно Елена и Менелай). Деталь росписи краснофигурной вазы

Одиссей, предлагая Тиндарею предоставить дочери право выбора, видимо, надеялся, что Елена выберет его. Но она предпочла молодого красавца Менелая, могучего и светлокудрого. Он и его старший брат Агамемнон когда-то правили Микенами, но вынуждены были бежать оттуда и нашли приют в Спарте. Возможно, Одиссей же первый и был недоволен ее решением... Но клятва была произнесена и исполнена: все женихи смиренно приняли выбор Елены.

Сохранился «Эпиталямий Елене» – свадебная песнь, которую подружки невесты исполняли под стенами брачного покоя в то самое время, когда жених впервые должен был возлечь с невестой, а его лучший друг охранял двери. Разумеется, написана она была не к самой свадьбе Елены и Менелая, а много позже, когда их свадьба уже стала частью великого греческого мифа о Троянской войне...

Некогда в Спарте, придя к белокурому в дом Менелая,
Девушки, кудри украсив свои гиацинтом цветущим,
Стали, сомкнувши свои круг, перед новой расписанной спальней
Лучшие девушки края Лаконского, снегом двенадцать.
В день этот в спальню вошел с Тиндареевой дочерью милой
Взявший Елену женою юнейший Атрея наследник.
Девушки в общий напев голоса свои слили, по счету
В пол ударяя, и вторил весь дом этой свадебной песне.
«Что ж ты так рано улегся, любезный наш новобрачный?
Может быть, ты лежебок? Иль, быть может, ты соней родился?
Может быть, лишнее выпил, когда повалился на ложе?
Коли так рано ты спать захотел, мог бы спать в одиночку.
Девушке с матерью милой и между подруг веселиться
Дал бы до ранней зари – отныне и завтра, и после,
Из года в год, Менелай, она будет женою твоею.
Счастлив ты, муж молодой! Кто-то добрый чихнул тебе в пользу
В час, когда в Спарту ты прибыл, как много других, но удачней.
Тестем один только ты называть будешь Зевса Кронида,
Зевсова дочь возлежит под одним покрывалом с тобою.
Нет меж ахейнок всех, попирающих землю, ей равной.
Чудо родится на свет, если будет дитя ей подобно.
Все мы ровесницы ей; мы в беге с ней состязались,
Возле эвротских купален, как юноши, маслом натершись,
Нас шестьдесят на четыре – мы юная женская поросль,
Нет ни одной безупречной меж нас по сравнению с Еленой.
Словно сияющий лик всемогущей владычицы-ночи,
Словно приход лучезарной весны, что зиму прогоняет,
Так же меж всех нас подруг золотая сияла Елена.
Пышный хлебоз урожай – украшение полей плодородных.
Гордость садов – кипарис, колесниц – фессалийские кони;
Слава же Лакедемона – с румяною кожей Елена.
Нет никого, кто б наполнил таким рукодельем корзины.
И не снимает никто из натянутых нитей основы

Ткани плотнее, челнок пропустив по сложным узорам,
Так, как Елена, в очах у которой все чары таятся.
Лучше никто не споет, ударяя искусно по струнам,
Ни Артемиде хвалу, ни Афине с могучею грудью.
Стала, прелестная дева, теперь ты женой и хозяйкой;
Мы ж на ристалище вновь, в цветущие пышно долины
Вместе пойдем и венки заплетать ароматные будем,
Часто тебя вспоминая, Елена; так крошки ягнята,
Жалуясь, рвутся к сосцам своей матки, на свет их родившей.
Первой тебе мы венки из клевера стеблей ползучих
Там заплетем и его на тенистом повесим платане;
Первой тебе мы из фляжки серебряной сладкое масло
Каплю за каплей нальем под тенистою сенью платана.
Врезана будет в коре по-дорийски там надпись, чтоб путник,
Мимо идя, прочитал: «Поклонись мне, я дерево Елены».
Счастлива будь, молодая! Будь счастлив ты, муж новобрачный!
Пусть наградит вас Латона, Латона, что чад посылает,
В чадах удачей; Киприда, богиня Киприда дарует
Счастье взаимной любви, а Кронид, наш Кронид-повелитель,
Из роду в род благородный навеки вам даст процветанье.
Спите теперь друг у друга в объятьях, дышите любовью,
Страстно дышите, но все ж на заре не забудьте проснуться.
Мы возвратимся с рассветом, когда пробудится под утро
Первый певец, отряхнув свои пышные перья на шее.
Пусть же, Гимен, Гименей, этот брак тебе будет на радость!

Перевод М.Е. Грабарь-Пассек

Елена родила от Менелая дочь Гермению. Когда Тиндарей скончался, Менелай стал царем Спарты.

Его брат Агамемнон женился на младшей сестре Елены – Клитемнестре. Он оказался талантливым военачальником и не только отвоевал Микены, но еще и начал объединять под своею рукой все разрозненные греческие земли.

А что было дальше – мы все знаем из мифов... Слава о красоте Елены разнеслась по всему миру, и все стремились полюбоваться на нее. От ее лица невозможно было оторвать взгляд, а по форме ее груди отлили чаши для алтаря Афродиты. И Менелая не долго пришлось наслаждаться семейным счастьем: Елену похитил троянский царевич Парис. Оскорбленный Менелай попросил помощи у своего брата Агамемнона. А тот давно уже мечтал о захвате богатейшего города, но не имел повода для войны. Теперь повод нашелся. Греческие корабли устремились к берегам Илиона...

Во время двадцатилетней осады Трои царевич Парис погиб в бою, да и не он один. Троянцы утратили всякую симпатию к Елене, обвиняя ее в своих несчастьях. Но красота помогла ей найти нового покровителя: Елену взял в жены сводный брат Париса – Деифоб. Дальше версии легенды расходятся: то ли Елена предала троянцев, подавая факелом со стены знаки для греческой армии, то ли, наоборот, – заподозрила, что внутри гигантского деревянного коня, якобы брошенного отступившими греками, на самом деле находятся воины, готовые вероломно напасть на Трою, и пыталась привлечь внимание беспечных троянцев к этому источнику угрозы. В любом случае Троя была обречена. Ибо внутри коня действительно засели воины, и ночью они открыли ворота Трои для греческой армии. Деифоб погиб в бою. Так Елена, при живом муже, сумела дважды овдоветь.

Менелай, жаждущий отомстить неверной жене, нашел Елену в храме Афродиты. Но когда он выхватил меч, чтобы убить изменницу, Елена откинула с лица вдовье покрывало и распахнула свои одежды: лицо и тело ее были так прекрасны, что Менелай позабыл про месть и про меч и прямо в храме вернул жене свое расположение. Когда он привел Елену в греческий лагерь, нашлись недовольные, требовавшие ее смерти в отместку за гибель многочисленных воинов, павших под стенами Трои. Но стоило любому из них посмотреть на лицо Елены, как желание мстить исчезало, так она была прекрасна. Менелай с Еленой вернулись в Спарту. И то ли благополучно дожили до глубокой старости, то ли Елену все-таки убил кто-то из тех, кто жаждал мести за погибших мужей, сыновей и друзей: версий ее смерти немало... Однако греки верили, что и в сумрачном царстве Аида она осталась самой прекрасной и желанной женщиной. И что боги, решив наградить великого героя Ахиллеса, погибшего при взятии Трои, отдали ему в жены Елену. Так сбылось второе предсказание парок: у Елены было пять мужей – четыре на земле и один в ином мире.

Самсон и Далила

Около XII века до нашей эры

История эта произошла давно, очень давно, настолько давно, что существуют сомнения – а была ли она на самом деле? Но найдутся и верящие в нее, ибо записана она в Ветхом Завете, и уверенные в том, что исторические Самсон и Далила жили на самом деле, потому что существует могила Самсона в Газе, которой поклоняются и арабы, и иудеи... И конечно же, есть разногласия. Одни считают, что Самсон был женат на женщине-филистимлянке, чье имя не сохранилось, а другая филистимлянка – красавица Далила – стала виновницей его гибели. Другие же полагают, что две филистимлянки – многовато для биографии ветхозаветного героя и праведника. Что коварная Далила была женой Самсона. И пожалуй, с ними можно согласиться, потому что коварство свое она начала проявлять с самого дня свадьбы... самой громкой и скандальной свадьбы в Древней Иудее. Одной из самых запоминающихся свадеб в Ветхом Завете. И одной из самых тиражируемых в изобразительном искусстве.

Самсон (правильно произносить – Шимшон) родился в семье знатной и был с детства посвящен в назареи. Назареи – это особо посвященные Богу люди, которые давали обет не есть винограда, не пить вина, не стричь волос, не прикасаться к умершим. Если назарей соблюдал все это – он мог стать первосвященником. Ортодоксальный иудаизм назарейства не признавал и считал ересью. Назареи были уверены, что в своих обетах и жертвах они черпают уникальную силу. Самсон был живым воплощением праведности назарейства: он был фантастически сильным человеком.

Во времена, когда жил Самсон, иудеи страдали под игом филистимлян, причем наш герой принадлежал к колену Дана, особенно пострадавшему в этой древней войне. Его отец Моной успел состариться, но так и не дождался рождения сына. Он уже отчаялся, когда ему явился Ангел Господень и предрек, что пожилая жена Моной забеременеет и родит великого героя: «И он начнет спасение Израиля от руки филистимлян». Ангел потребовал, чтобы Моной стал назареем и вырастил из своего сына назарея. Моной все исполнил... Но Самсон начал не с войны, а с того, что решил жениться на прекрасной филистимлянке Далиле. Его родители были решительно против того, чтобы сын женился на дочери оккупантов, к тому же идолопоклоннице, и Моной приводил в пример Священное Писание, где Моисей запрещал подобные браки. Самсон сумел настоять на своем. А родители невесты, видимо, не имели ничего против. Начали готовить свадьбу.

Свадьба Самсона. Художник Рембрандт ван Рейн

Интересно, что при этом Самсон был уже женат на иудейке. О ней ничего не известно. К женщинам в те времена относились пренебрежительно, почти как к имуществу. Так что ничего удивительного, что Самсон не спросил ее мнения и что имени этой кроткой женщины

не осталось в памяти людей... В отличие от имени Далилы, которая осмелилась проявить хитрость, коварство и непокорность.

Однажды, следуя в гости к своей невесте, Самсон увидел, как лев нападает на ягненка. Он бросился на льва и, схватив его челюсти, разорвал животное пополам. Этот сюжет – Самсон, разрывающий пасть льва, – очень популярен в живописи и особенно в скульптуре, где можно показать напряжение великолепных мышц мужчины, схватившегося с хищником... Спустя несколько дней, проходя тем же путем, Самсон увидел, что в сломанных челюстях льва поселился пчелиный рой и уже наполнил пасть зверя сотами, в которых полно меда. Укусов пчел великий герой боялся не больше, чем львиных челюстей, поэтому Самсон забрал соты с медом и отнес их в дар родным невесты.

Наконец, пришел первый день свадьбы, которую положено было праздновать семь дней. Во время пира Самсон предложил тридцати гостям из числа филистимлян загадку: «Из ядущего вышло ядомое, а из сильного вышло сладкое». Поспорили на тридцать рубашек и тридцать смен одежды. Но понятно, что филистимляне никак не могли понять, о чем говорил Самсон, они же не были осведомлены об удивительной истории с медом из львиной пасти... Гости были расстроены и обижены. Три дня они мучились над загадкой. И в конце концов пришли к жене Самсона с угрозой: «Уговори мужа, чтоб он разгадал нам загадку; иначе мы сожжем огнем тебя и дом отца твоего».

Для Далилы вызнать правду не составляло большого труда: охваченный страстью молодой муж был готов на все, лишь бы она пустила его на ложе. Он поведал ей ответ на загадку, а она рассказала наутро гостям... Филистимляне выиграли спор. А когда Самсон спросил, как же они узнали, гости ответили загадкой на загадку: «Что слаще меда и что сильнее льва!» Самсон понял, что они имели в виду: любовь жены слаще меда, а сладострастие оказалось сильнее льва и сокрушило героя... Самсон разгневался и, чтобы отдать им выигранное, пошел в город Аскалон, убил тридцать филистимлян и снятую с них одежду отдал своим гостям.

Поскольку гнев все еще кипел в его душе, Самсон решил оставить свою молодую жену. Но через некоторое время, соскучившись, вернулся и даже принес в дар тестю ягненка. И узнал, что тот отдал дочь одному из гостей с той свадьбы, считая, что Самсон отказался от нее навсегда. Самсон в очередной раз пришел в ярость. Тесть предлагал ему руку своей младшей дочери, клялся, что она красивее старшей, но Самсон хотел только одну женщину – Далилу.

Чтобы отомстить коварным филистимлянам, он решил сжечь их посевы, что ему успешно удалось. Но в ответ на это филистимляне захватили первую жену Самсона, иудейку, вместе со всеми ее родными, заперли их в доме и сожгли.

После этого Самсон стал мстить филистимлянам с соответствующей той эпохе жестокостью и удивительной изобретательностью. О подвигах его можно прочесть в литературе, а нас интересует свадьба и ее последствия...

Если придерживаться версии, что филистимлянкой, на которой женился Самсон, была Далила, то, видимо, он действительно любил ее и тосковал по ней. Даже став великим героем и судьей среди своих соплеменников, он не смог удержаться, когда встретился с ней снова. Далила или овдовела, или как-то еще рассталась с супругом. Она жила одиноко, и Самсон стал приходить к ней как любовник. Узнав об этом, филистимляне предложили Далиле: «Уговори Самсона и выведай, в чем великая сила его и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за это каждый тысячу сто сиклей серебра». Далила согласилась. Видимо, не слишком-то симпатичен ей был Самсон. Она принялась выспрашивать, Самсон несколько раз обманывал ее, но наконец сдался и сказал правду: «Бритва не касалась головы моей, ибо я назарей Божий от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб и буду как прочие люди».

«И увидела Далила, что раскрыл он перед ней все сердце свое... И усыпила его на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать, и отступила от него сила его... филистимляне взяли его... оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников».

Филистимляне еще и ослепили бывшего силача, чтобы сделать его совсем беспомощным.

Но со временем волосы отросли... А филистимляне оказались забывчивы и, не заметив, что источник силы вернулся к Самсону, привели его на свой пир, чтобы над ним поглумиться. Самсон разорвал цепи и с криком «Умри, душа моя, с филистимлянами!» обрушил колонны, поддерживавшие свод зала. Погибло более трех тысяч человек, в том числе и сам Самсон. «И было умерших, которых умертвил Самсон при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей»

Иудеи выкупили тело Самсона и похоронили с почестями.

О том, что стало с Далилой, история умалчивает. Но, по крайней мере, имя ее осталось в истории.

Царь Артаксеркс I и Эсфирь

472 год до нашей эры

Брак между иудейкой Эсфирью и персидским царем Артаксерксом I стал неожиданностью для обоих народов, был негативно воспринят и иудеями, и персами и имел самые серьезные последствия для истории. Впрочем, конечно же, многие историки сомневаются – а была ли Эсфирь, а произошли ли на самом деле описанные в Ветхом Завете события? Но могила Эсфири до сих пор существует на территории нынешнего Ирана...

Свадьба Эсфири. Художник Ю. Шнорр фон Карольсфельд

В любом случае это была одна из самых великих свадеб в древней истории.

Все началось с восьмидесятидневного празднества, которое устроил Артаксеркс для своих подданных и послов иных держав. На седьмой день он пожелал похвалиться красотой жены своей, царицы Вашти, и приказал ей выйти в царском уборе к гостям и танцевать. Вашти отказалась, чем разгневала Артаксеркса. Он изгнал ее и пожелал найти себе новую жену. Для этого царь велел приводить во дворец всех прекрасных девственниц. И если кто утаит красавицу, тот будет наказан... И все боялись гнева Артаксеркса и приводили ему своих дочерей и племянниц. Самых красивых Артаксеркс оставлял себе, потому что мог иметь сколько угодно жен, но лишь одну мог короновать как свою царицу.

И Мордехай, иудей, служивший у Артаксеркса, привел к нему Эсфирь, племянницу, сироту, которая жила у него вместо дочери. Эсфирь была не только красива и девственна, она также была хорошо образованна, умна и умела заботиться о своей красоте, так что ежедневный туалет ее занимал не менее двух часов. Кроме того, она смогла вовремя проявить скромность и понравилась Загаю, главному царскому евнуху. Как сказано в Книге Эсфири: «И когда пришла очередь Эсфири... идти к царю, то не просила она ничего, кроме того, о чем сказал ей Загай, царский евнух, страж жен. И понравилась Эсфирь всем видевшим ее. И взята была Эсфирь к царю Артаксерксу в царский дом его в десятом месяце, то есть в месяце Тэвэте, на седьмом году его царствования».

Сначала Эсфирь была наложницей Артаксеркса, но потом ее красота и ум произвели на царя такое впечатление, что он решил сделать ее своей царицей. Решение царя жениться на иудейке вызвало протест у многих его придворных, но Артаксеркс никогда не оглядывался на чужое мнение. Он отпраздновал пышную свадьбу, во время которой короновал Эсфирь: «И полюбил царь Эсфирь больше всех жен, и снискала она его расположение и благосклонность больше всех девиц, и возложил он царский венец на голову ее, и сделал ее царицей вместо Вашти. И устроил царь большой пир для всех сановников своих и рабов (придвор-

ных) своих, пир (в честь) Эсфири, и облегчил (налоги) областям, и раздал дары с царской щедростью...»

Дальше же произошло все то, что возвеличило Эсфирь и Мордехая и что отмечается иудеями по сей день каждый год, во время праздника Пурим. Мордехай раскрыл заговор с целью убийства царя и через Эсфирь предупредил Артаксеркса, что способствовало его возвышению. Знатный вельможа Аман возмутился, узнав, что иудея возвысили, и выстроил сложную интригу, результатом которой был подписанный царем указ об истреблении и изгнании всех иудеев. Узнав об этом указе, Мордехай попросил Эсфирь спасти свой народ. И она рискнула жизнью, появившись в покоях Артаксеркса без приглашения. Она позвала его на пир в свои покои и во время пира рассказала о кознях Амана. Артаксеркс, видимо, быстро принимал решения и легко менял свое мнение: он приказал казнить Амана и всех его сторонников.

Эсфирь и Артаксеркс жили долго и счастливо, но со временем страсть царя к супруге поутихла, и он взял себе другую, молодую жену – Дамаспию. Эсфирь была настолько разумна, что не выказывала ревности. Артаксеркс скончался в мае 424 года до нашей эры, после сорока одного года успешного правления. Его жена Дамаспия умерла в тот же день, из-за чего можно предполагать, что умерли они от какой-то инфекционной болезни. Они вместе похоронены близ Персеполя.

Эсфирь же покинула дворец царя, вернулась к своему дяде Мордехаю и жила в провинции, почитаемая своим народом, до глубокой старости. Они с Мордехаем похоронены вместе, и могила их почитается как святыня не только иудеями, но и мусульманами. В Иране на могилу Эсфири приводят строптивых, но любимых жен в надежде, что ветхозаветная красавица вразумит их и научит, как следует вести себя с мужем, чтобы он в своем доме чувствовал себя истинным царем.

Сократ и Ксантиппа

Приблизительно 429 год до нашей эры

Для древних греков свадьба не была выдающимся событием, так что редко какие из свадеб заслужили хотя бы упоминания историков. Жену обычно брали ради того, чтобы продлить свой род, второй причиной было приданое, третьей – возможность породниться с сильной и богатой семьей. В общем, все как всегда и как у всех... Положение женщины в Древней Греции было далеко не выигрышным, и все достойные жены вели тихую жизнь на женской половине дома, и мало кто из них вошел в историю – в основном современникам запомнились образованные и веселые гетеры! Так что брак известного, к тому времени уже немолодого (ему было около сорока – или за сорок) философа Сократа с молоденькой девушкой Ксантиппой, на который он решился под давлением родных и друзей, имея перед собой первую и основную из брачных целей – продолжить свой род, – остался в памяти современников как событие. Ведь никто не ожидал, что знаменитый Сократ все же женится. И тем более никто не ожидал, что Сократ женится неудачно...

Ксантиппа поливает Сократа водой. Художник *Р. ван Бломмендаль*

Но, собственно, речь у нас пойдет о свадьбе. Как бы мало значения ни имела свадьба для мужчин в Древней Греции, для женщины она становилась зачастую единственным праздником за всю их жизнь. Немецкий историк, специалист по античности, Ганс Лихт писал:

«Собственно свадьба предварялась обычно самыми разными обрядами, в первую очередь, разумеется, жертвами богам – покровителям брака, и, в частности, Гере и Зевсу; запрет на использование желчи жертвенного животного являлся символом, смысл которого нетрудно понять: в браке нет места “желчи и гневу”. Во многих местах было принято, чтобы невеста возлагала на алтарь несколько прядей волос или пояс либо то и другое вместе; принесение на алтарь локонов символизировало расставание с юностью, принесение пояса – с девственностью. До жертвоприношения или после него невеста совершала омовение, воду для которого приносил мальчик, живший по соседству. Вода бралась в ручье или реке, имевших в данной ситуации особенно большое значение – будь то афинский источник Каллироя или фиванская река Йемен.

Обыкновение устраивать свадебный пир было, вне всяких сомнений, распространено по всей Греции. В то время женщины не могли присутствовать на мужских застольях, однако на свадебных пирах они угощались в одной комнате с мужчинами, занимая при этом отдельные столы. Расходы, которые несли устроители таких пиров, и род увеселений, конечно, различались в зависимости от финансовых возможностей хозяев и вкусов эпохи. Кунжутные

пирожные, сдобренные фруктовыми добавками, были на этих застольях обычным лакомством. Символическое значение имел и другой обряд: во время пиршества прекрасный обнаженный юноша, украшенный боярышником и листьями дуба, обходил гостей с подносом, на котором были разложены печенье и пирожные, восклицая: “Я избежал зла и обрел наилучшее”.

После трапезы, которая, естественно, сопровождалась тостами и здравицами, невеста садилась в повозку, запряженную быками, мулами или лошадьми, и отправлялась в дом жениха. Она сидела между женихом и его парохом – лучшим другом или ближайшим родственником.

После прибытия невесты в дом жениха ось повозки иногда сжигалась. Это считалось предзнаменованием того, что невеста никогда не захочет покинуть дом мужа.

Свадебные факелы были неотъемлемым атрибутом свадебного шествия; их возжигали матери невесты и жениха и несли те участники праздника, что шли пешком. Все они были нарядно одеты, о чем можно догадаться, если, не довольствуясь сообщением об этой подробности у Гомера, принять во внимание развитое у греков чувство прекрасного. Платье невесты было, по-видимому, разноцветным, одежда жениха (очень характерная деталь) не черной, как это принято у нас, но белой, сотканной из самой тонкой шерсти; мужчины, участвовавшие в процессии, были одеты также, как и жених. Невесту и жениха украшали венками и пестрыми лентами; невеста не жалела на себя благовоний, и у лица ее колыхалась яркая пелена – традиционная деталь наряда невесты.

Встречные поздравляли и шутливо подбадривали свадебную процессию, двигавшуюся по улицам города под аккомпанемент флейт; ее участники распевали гимений – свадебную песнь, названную именем бога свадьбы Гимена.

Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают;
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.

Перевод Н.И. Гнедича

В древности существовал обычай, согласно которому брачные покои умелой рукой украшал сам муж.

В песенных состязаниях и играх протекает ночь. Темнота сгущается. Настал долгожданный час. Жених порывисто встает, сжимает в крепких объятиях застенчиво сопротивляющуюся ему невесту и, по обычаю героических времен, поспешно уносит свою драгоценную добычу. За ним следует самый надежный из его друзей, юноша «высокого роста и с крепкими руками», способный отстоять двери свадебного покоя от врага даже более опасного, чем девушки, которые быстро вскакивают со своих мест и с хорошо разыгранным ужасом устремляются вслед за похитителем в надежде вырвать подругу из его рук; они также беспомощны, как пташки, бросившиеся в погоню за ястребом, похитившим одну из их товарок и уносящим ее в своих когтях. Когда, запыхавшись, они подбегают ко входу в комнату новобрачных, дверь уже захлопнута. Из-за дверей до них доносится голос жениха, который тем временем опускает прочные засовы и обращается к ним с насмешливым старинным изречением: “Назад, здесь девушек хватает и без вас”. А снаружи, перед запертой дверью, возвышается исполинская фигура верного стража, уже приготовившегося к бою и с удовольствием предвкушающего веселую схватку с “проклятыми девками”.

Но веселое подзадоривание длится недолго. Остается только в последний раз выказать свою привязанность, сказать последнее “прости” подруге, которая, вступив в брачный покой,

“стала уже хозяйкой дома”. Девушки снова поспешно перестраивают свои ряды и запевают песнь брачного покоя эпиталям в собственном смысле слова, который становится последним актом всего торжества, даже если на следующее утро оно получит продолжение в виде песни пробуждения, которая подводит окончательный итог всему свадебному представлению.

Наутро новобрачные просыпались под звуки серенады и принимали всевозможные подарки от своих родственников. С этого дня молодая жена показывалась на людях уже без покрывала невесты, которое она посвящала Гере, богине – покровительнице брака. В этот день в доме отца жениха или самого жениха устраивался пир, в котором – немаловажная подробность – женщины, а стало быть, и новобрачная уже не участвовали; очевидно, что всякие лакомства, подававшиеся в этот день к столу, готовились вчерашней невестой, которая таким образом впервые получала возможность продемонстрировать свои кулинарные таланты. Смысл данного обычая ясен. В первую ночь муж отдал жене то, что по праву принадлежит ей и теперь он снова временно принадлежит обществу друзей и родственников-мужчин, тогда как молодой жене приходится исполнять свои обязанности на кухне. То, что, по-видимому, пир этот был исполнен радости и веселья, вовсе не мешало ему быть последним и торжественным подтверждением юридической полноценности свадебной церемонии, а поэтому было принято приглашать на него как можно больше гостей, которые как бы выступали в роли свидетелей».

Ксантиппа оказалась не такой кроткой, как другие древнегреческие жены, скромные обитательницы женской половины дома. Она вошла в историю как самая сварливая и злобная жена, основательно попортившая философу жизнь. Впрочем, кое-кто из историков считает, что большинство рассказов о ней – анекдоты, придуманные друзьями Сократа, которые недолго любили Ксантиппу за то, что великий философ отвлекался на нее от общества друзей. Ведь Сократ был так влюблен, что даже позволял жене ездить на нем верхом – непонятно только в прямом или переносном смысле, однако художники предпочитали считать, что в прямом, и изображали Ксантиппу сидящей на спине Сократа. Когда Сократ был арестован, Ксантиппа повела себя как самая достойная жена: с младшим ребенком на руках каждый день приходила к стенам тюрьмы, пыталась разжалобить судей и добиться свидания. А когда Сократа приговорили к смерти и он принял яд, Ксантиппа искренне оплакивала его смерть.

Александр Македонский и Роксана

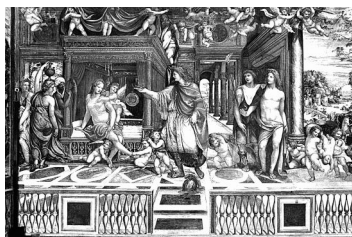
327 год до нашей эры

Александр Македонский – один из величайших в истории правителей и завоевателей – женился, в отличие от многих его современников, по большой любви. Причем женился не по греческому, а по персидскому обычаю. На пленнице бактрийке, чем возмутил всех своих сподвижников.

Видимо, восточные женщины нравились Александру больше, чем греческие. В 333 году, по словам Плутарха, ему приглянулась тридцатилетняя пленница благородных кровей, красавица Барсина. Она была старше его, и все же «Александр последовал совету Пармениона, предложившему ему сблизиться с этой красивой и благородной женщиной. Глядя на других красивых и статных пленниц, Александр говорил шутя, что вид персиянок мучителен для глаз».

Еще более мучителен для глаз завоевателя оказалась внешность четырнадцатилетней дочери бактрийского вельможи Оксиарта. Она была знаменита своей красотой и среди соплеменников, недаром ее называли Роушанак – «сияющая». На латыни ее имя звучало как Роксана...

Перед наступающими армиями Александра Оксиарт с семьей и войском заперся в крепости, считавшейся неприступной, но все же крепость пала, и вельможе пришлось сдаться на волю победителя вместе с женами и детьми, среди которых было несколько взрослых девушек. Александра Македонского в пути всегда сопровождали писатели, историки, философы, в общем – было кому вести летопись. Этими летописями пользовались историки последующих эпох, чтобы воссоздать события жизни великого завоевателя. Греческий писатель Арриан из Никомедии рассказывал: «Одну из этих дочерей звали Роксана. Она была девушка на выданье, и те, кто принимал участие в походе, повторяли, что она была прекраснейшая из женщин, которых они видели в Азии, исключая одну только жену Дария. Александр влюбился в нее с первого взгляда, но, хотя она была пленницей, он отказался из-за страстного влечения к ней взять ее силой и снизошел до женитьбы на ней».

Свадьба Александра Македонского и Роксаны. Настенная роспись виллы Фарнезина. Художник Иль Содома

Незадолго до этого у Александра родился первый его сын: Геракл, от наложницы Барсины. Но Барсина была забыта: Роксана затмила для царя всех других женщин.

А между тем ее вместе с сестрами привели на пир к победителям, где они должны были улаживать воинов танцами и отдаться тем, кто их пожелает. Обычно подобные увеселения кончались насилием над пленницами. Но Александр пожелал Роксану себе одному... И он не хотел просто взять ее, как рабыню. Он хотел, чтобы она стала его женой. Не остановил

его даже протестующий ропот соратников. Квинт Курций в «Истории Александра Македонского» писал: «... царь Азии и Европы взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пиру, с тем, чтобы от нее родился тот, кто будет повелевать победителями».

Мало кто понимал далекоидущие политические планы Александра, согласно которым он хотел не силой удерживать завоеванные земли под своей властью, а создать поистине могущественное и единое государство. В эти планы вписывался и брак с Роксаной. Плутарх комментирует: «И его брак с Роксаной, красивой и цветущей девушкой, в которую он однажды влюбился, увидев ее в хороводе на пиру, как всем казалось, вполне соответствовал его замыслу, ибо брак этот сблизил Александра с варварами, и они прониклись к нему доверием и горячо полюбили его за то, что он проявил величайшую воздержанность и не захотел незаконно овладеть даже той единственной женщиной, которая покорила его».

Любила ли Роксана Александра? На момент свадьбы – наверное, нет. Скорее всего, она испытывала только страх перед его могуществом и благодарность за то, что он избавил ее от поругания и возвысил. Но потом своими поступками она доказала, что любит и страстно ревнует...

Александр был хорош собой. Плутарх так описывал царя-завоевателя: «Внешность Александра лучше всего передают статуи Лисиппа, и сам он считал, что только этот скульптор достоин ваять его изображения. Этот мастер сумел точно воспроизвести то, чему впоследствии подражали многие из преемников и друзей царя, – легкий наклон шеи влево и томность взгляда. Апеллес, рисуя Александра в образе громовержца, не передал свойственный царю цвет кожи, а изобразил его темнее, чем он был на самом деле. Как сообщают, Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице».

А главное – Александр обращался с Роксаной не как с пленницей, а как с возлюбленной невестой.

Свадьбу сыграли по персидскому обряду, который был очень прост: молодые, держась вместе за рукоятку ножа, разрезали особый круглый хлеб, а потом каждый съел половину. Правда, потом Александр устроил пышное празднество для своих воинов: с обильными возлияниями, с танцовщицами, музыкантами и гетерами, которые следовали за его войском.

Александр воспринял многие персидские традиции. После победы над царем Дарием он взял себе в жены двух его дочерей: Стариру и другую, чье имя история не сохранила, а также приказал каждому из своих военачальников взять себе в жены знатную персиянку и сыграл общую пышную свадьбу. После победы над Артаксерксом III Александр взял в жены его дочь Парасатиду. И в довершение обзавелся гаремом из 360 наложниц. Диодор Сицилийский писал: «Каждую ночь они проходили перед ложем царя, так что он мог выбрать одну, с кем делил эту ночь».

Роксана, хоть и привыкшая к многоженству, все же безумно ревновала. Но бунтовать против воли мужа не смела. Она старалась сохранить свое положение любимейшей из жен и следовала за Александром во всех его походах, тогда как другие жены оставались во дворцах.

Александр скончался в 323 году до нашей эры. Ему не было и тридцати трех лет. Перед смертью он десять дней провел в страшных муках и просил у близких вина или яда, чтобы покончить со страданиями. Он испустил дух в объятиях Роксаны, которая поцеловала его в губы, чтобы «поймать его душу», и сама закрыла его глаза, чтобы быть последней, что эти глаза видели, дабы Александр наверняка узнал ее в мире ином. Роксана была на восьмом месяце беременности. Она верила, что в тело младенца, которого она носит, вселится отлетавшая душа Александра. Сына, рожденного месяц спустя, она назвала именем отца – Александр. И считала его живым воплощением усопшего мужа.

Теперь, когда Александра не было, Роксана могла отомстить: его наложниц она раздавила и распродала. А его персидских жен попросту убила... Плутарх писал: «До крайности

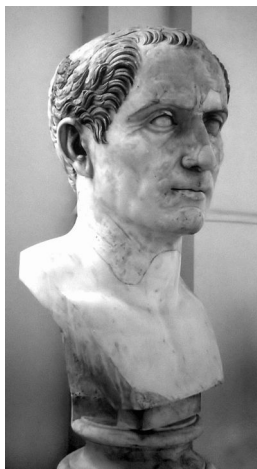
ревнивая и страстно ненавидевшая Статиру, она при помощи подложного письма заманила ее и ее сестру к себе, обеих убила, бросила трупы в колодец и засыпала землей».

Но и саму Роксану ждала печальная судьба. Александр не оставил распоряжений относительно престолонаследия и порядка управления страной. Начались распри, и в них была втянута Роксана с сыном Александром, а также Барсина с уже взрослым Гераклом. Властолюбивая мать покойного Александра Македонского – Олимпиада – тоже поучаствовала в дележе власти. То одна, то другая партия брали верх, но в конце концов политические интриги привели сначала к убийству Олимпиады, потом – Барсины и Геракла, а в 309 году до нашей эры пришел черед Роксаны и юного Александра...

Гай Юлий Цезарь и Корнелия Цинилла

83 год до нашей эры

Гай Юлий Цезарь, великий военачальник, правитель Рима, реформатор и писатель, происходил из благородного рода, но недостаточно высокопоставленного и ничем особо себя не прославившего, к тому же и не богатого. Зато он получил прекрасное образование, да и отношения в его семье могут считаться образцовыми. И женился он по любви, причем – по древнеримским меркам – очень рано: ему было семнадцать лет. Невесте, Корнелии Цинилле, не исполнилось и двенадцати лет, но как раз ее возраст считался вполне приемлемым...

Гай Юлий Цезарь. Античный бюст

Никаких воспоминаний об их свадьбе не сохранилось, но, разумеется, бракосочетание между двумя представителями аристократических семейств происходило с соблюдением всех законов и обычаев. И чтобы вообразить, какими были подготовка к свадьбе Гая Юлия Цезаря и Корнелии Циниллы и сама свадьба, нам надо понять, что представлял собой брачный обряд в Древнем Риме. Наиболее подробное и емкое исследование предлагает русскоязычный проект «Эволюция» на сайте krasreferent.narod.ru, на основе книг Новицкого И.Б. «Римское право» и Джонса А.Х.М. «Гибель античного мира»:

«Брак в Древнем Риме считался священным таинством и опорой государства. Большинство браков в богатых семьях Древнего Рима заключалось по расчету: для продолжения рода (*лат. matrimonium* – “брак”, от *лат. mater* – “мать”), для объединения владений, а также для укрепления политических союзов. Среди бедного населения, скорее всего, также преобладал расчет, однако не исключались браки по любви.

Авторы времен Римской империи считали республику периодом расцвета римского брака за то, что мужчины строго контролировали мораль жен. Партнерство супругов в современном понимании считалось не только ненужным, но и невозможным: в Древнем Риме считалось, что жена должна была посвятить свою жизнь поддержке мужа и заботе о нем. Родители занимались поисками подходящего жениха уже вскоре после рождения девочки. Сенека писал о том, что отцы семейства выбирали иногда неподходящих супругов, так тщательнее родители выбирают скот и рабов, а о всех недостатках будущей жены жених узнает лишь на свадьбе. Одной из важных причин для вступления в брак являлось заключение политиче-

ских альянсов. Так, известны многочисленные примеры таких союзов в I веке до нашей эры, в которых невеста выступала залогом стабильности политических объединений. Для мужчины брак служил сохранению богатства и статуса и их передачи законным наследникам. Кроме того, пока длился брак, муж мог распоряжаться денежной составляющей приданого и ожидать от семьи супруги финансирования его карьеры. Не менее важным было рождение законных наследников, которые тем самым сохраняли положение в обществе из поколения в поколение. Иногда отец жениха посылал к будущей супруге повивальную бабку, чтобы осмотреть ее и узнать, способна ли она к деторождению.

Корнелия Цинилла. Античное изображение

Девочки могли быть отданы замуж с достижением совершеннолетия, то есть в возрасте 12 лет (девушка считалась *лат. viri potens* – “в состоянии принимать мужчин”), мальчики в 14 лет (*лат. pubes*). Причинами рано выдавать дочь замуж были ранняя смертность женщин и детей и более низкая ожидаемая продолжительность жизни. Иногда девочки до этого возраста отводились в дом жениха, однако обязанности жены наступали строго по закону. По мнению ученых, в действительности девушки выходили замуж в возрасте между 17–23 годами, а мужчины женились в среднем в 27–30 лет. Один из современников императора Траяна считал, например, рекомендованный Гесиодом возраст для вступления в брак (18 лет), по “сегодняшним меркам”, довольно поздним. Разница в возрасте супругов иногда доходила до 30 лет.

Супруги не должны были состоять в родстве. Браки, в которых муж и жена являлись родственниками до четвертого колена, считались инцестом и карались смертной казнью (позднее ссылкой). Также были запрещены браки между приемными детьми и родителями. В течение веков условие о родственных связях между супругами стало менее строгим: с I века до нашей эры был разрешен брак между двоюродными братьями и сестрами. Такой брак, заключенный в 171 году до нашей эры, описывает Тит Ливий. В III веке нашей эры было разрешено вступать в брак также дядям и племянницам. Брак между братьями и сестрами встречался в Римском Египте также среди простого населения, что для римлян являлось нарушением закона, но местными обычаями разрешалось.

Для заключения брака требовалось согласие отца семьи. В ранний период Рима не требовалось согласие детей, однако позднее глава семьи не мог повлиять на решение сына. Для обручения и брака дочери, по словам Ульпиана, формально требовалось ее согласие. Девушка могла не согласиться на свадьбу только в том случае, если отец выбрал для нее недостойного (например, по характеру или поведению) или “запятнанного позором” жениха. Более взрослые дети часто сами выбирали себе супругов, а с введением законов Августа дети могли обратиться к магистрату, если отец не давал разрешения на брак.

Право заключать брак (*лат. conubium*) имели лишь свободные римские граждане. Брак был запрещен лицам, занимавшим определенные должности и имевшим определенный ста-

тус: например, опекуну и подопечным, магистратам провинций во время исполнения должности, солдатам и иноземцам, рабам.

О приданом (*лат. dos*) отцы жениха и невесты обычно договаривались во время помолвки, однако соглашение могло заключаться и после брака. Оно могло состоять из имущества, денег, драгоценных металлов, дорогих тканей, прав, обязательств (например, женщина, выйдя замуж за своего должника, могла оставить ему этот долг как приданое). Отец девушки должен был выплатить приданое в течение трех лет после свадьбы. Муж мог использовать его во время брака: «Приданое, будучи связано с браком, служит его тяготам и общим детям...» При разводе муж был обязан выплатить все приданое, если муж прежде умирал, жена также получала приданое обратно, так как, как писал римский юрист Помпоний, «для государства важно, чтобы приданое сохранялось для женщины, ибо крайне необходимо, чтобы женщины были с приданым ради рождения потомства и пополнения гражданства детьми». Муж не имел права распоряжаться личным состоянием женщины. «Исходное приданое», данное отцом дочери, возвращалось отцу в случае смерти дочери «вместо утешения» (*лат. solacii loco*), «чтобы, потеряв дочь, он не страдал еще и от денежного убытка», приданое, данное матерью, оставалось у мужа умершей дочери как «пришное». Обычай выдавать дочерей и сестер замуж без приданого большей частью не только не приветствовался, но и осуждался: «Но какой скандал – девицу выдать без приданого». В богатом городском доме власть жены объясняется, по мнению ученых, ролью ее приданого: принесенные женщиной в дом мужа средства давали ей право требовать внимания со стороны мужа, что иногда рассматривалось мужьями как посягательство на их свободу. Так, один из героев комедии Плавта признается, что, «взяв деньги, власть он продал за приданое...».

Свадьбе могла предшествовать церемония помолвки (*лат. sponsalia*, от *лат. spondere* – «обещать»), на которой отцы договаривались о предстоящей свадьбе. Этот обычай соблюдался, прежде всего, в семьях высшего сословия и в юридическом плане являлся лишь праздником. Будущий жених вручал невесте наряду с дарами в знак верности железное кольцо (*лат. anulus pronubus*) без камня (в более позднее время – золотое кольцо). Кольцо носила только невеста на безымянном пальце левой руки, так как римляне полагали, что оттуда идет вена к сердцу. Помолвка во времена империи скреплялась еще и поцелуем. Во времена поздней республики и Римской империи праздник с приглашенными гостями и подарками был скорее обычным делом и устраивался, чтобы упрочить уважение в обществе. Помолвка могла быть в любое время расторгнута словами: *лат. conditione tua non utor* – «твоим предложением не воспользуюсь». Возрастных ограничений для помолвки не существовало. По закону Августа, от наказаний освобождались помолвленные холостяки, вследствие чего многие мужчины стали использовать это правило для уклонения от брака: устраивалась помолвка с совсем маленькими детьми. Август постановил, что помолвка считается недействительной, если свадьба не происходит через два года после помолвки.

Свадьба была большим семейным праздником, а для невесты являлась формальным «переходом» от девочки к женщине. Из письменных источников известны обычаи подготовки и проведения свадьбы в высших сословиях Древнего Рима, о традициях в семьях крестьян, торговцев, ремесленников точно ничего не известно. Дата бракосочетания выбиралась с учетом религиозных традиций и праздников, верований в счастливые и несчастливые дни...

Вечером перед свадьбой девушка жертвовала ларам свои старые игрушки и детскую одежду, тем самым прощаясь с детством. Накануне свадьбы невесте повязывали голову красным платком и надевали на нее длинную прямую белую тунику с шерстяным поясом (*лат. tunica recta*), предназначавшуюся и для дня свадьбы. Пояс из овечьей шерсти (*лат. cingillum*) завязывался двойным геркулесовым узлом, который должен был предотвратить несчастье. Волосы невесты также накануне вечером укладывались наконечником копья (*лат. caelibari*

hasta) в 5 прядей. Затем волосы скреплялись шерстяными нитями (*лат. vittae*) и собирались в конусообразной форме. Свадебный наряд невесты представлял собой длинное платье – паллу (*лат. palla gelbeatica*), ярко-красного цвета, надеваемое на тунику. На голову накрывали покрывало огненного, желто-красного цвета (*лат. flammeum*), немного спуская его на лицо, а со времен поздней республики надевали венок из цветов (вербены и майорана, позднее из цветов апельсинового дерева и мирта), собранных самой невестой. Обувь должна была быть того же цвета, что и *flammeum*. К украшениям относился, прежде всего, браслет. Об особенном наряде для жениха не сохранилось сведений, возможно, он надевал обычную белую тогу и венок (по греческой традиции). Дома невесты и жениха украшались венками, зелеными ветвями, лентами и цветными коврами.

Утром в день свадьбы процессия, которую возглавляла распорядительница (*лат. pronuba*), женщина, служившая невесте примером, так как лишь один раз была замужем, направлялась к храму или домашнему атриуму. Затем пару подводили к алтарю, на котором в жертву приносилась свинья (реже овца или вол), чтобы по внутренностям узнать у богов, будет ли брак счастливым. Если предсказание было удачным, то давалось согласие на брак. Затем подписывался брачный договор (*лат. pacta dotalia*), пара произносила «да» и обменивалась кольцами. В качестве знака верности и как символ дружеского и сердечного единения (а не как скрепление договора) жених и невеста подавали друг другу правую руку (*лат. dextrarum iunctio*). Затем просили благословения у пяти богов: у Юпитера как гаранта союза, у Юноны как богини брака, Венеры как богини любви, Фидес как олицетворения верности и Дианы как богини-матери.

После брачной церемонии начиналось обильное застолье (*лат. cena nuptialis*). Вечером после пира девушка окончательно покидала своих родителей: начиналась церемония «отведения» (*лат. deductio*) – проводы невесты в дом жениха. Невесту «похищали» в память о древних традициях: «делать вид, будто девушку похищают из объятий матери, а если матери нет, то ближайшей родственницы». Затем пару отводили в дом мужа в сопровождении насмешливых, а также непристойных песен (*лат. versus Fescennini* – так назывались, возможно, потому, что считалось, что они оберегают от колдовства (*лат. fascinum*), песен, гимнов, шуток. Невесту вели за руки двое мальчиков, третий нес перед ней факел из терновника (*лат. spina alba*), который зажигали от огня на очаге дома невесты. За невестой несли прялку и веретено, как символы женских занятий в доме мужа. Прохожим раздавали (бросали) орехи как знак плодородия, которые должны были обеспечить новой семье обильное потомство.

Муж переносил жену через порог нового дома, чтобы жена не споткнулась о него, что считалось плохим знаком. После этого жена оборачивала дверной косяк шерстью и смазывала жиром (по словам Плиния Старшего, использовался волчий жир как воспоминание о волчице, вскормившей Ромула и Рема) и маслом, что, возможно, должно было отпугивать злых духов в первую ночь. Гости уходили и продолжали праздновать в другом месте.

Жену раздевали женщины, которые лишь единожды состояли в браке, и отводили к кровати мужа.

На следующий день жена появлялась впервые в наряде матроны и еще раз приносила жертвы ларам и пенатам, а также получала подарки от мужа. В этот день молодая семья устраивала праздничное застолье у себя дома в кругу близких родственников и друзей (*лат. gerotia*).

Роскошь свадебных праздничных пиров император Август пытался ограничить законодательными мерами: затраты на свадьбу и последующее торжество не могли превышать 1000 сестерциев. Сумма слишком маленькая, поэтому этот закон, вероятно, не соблюдался. Сумма увеличивалась еще и за счет того, что гостям в благодарность за оказанную дому

честь преподносили денежный подарок. Пары, не желавшие шума и больших растрат, предпочитали жениться в сельской местности...»

Итак, семнадцатилетний Гай Юлий Цезарь «похитил» свою одиннадцатилетнюю супругу из объятий ее матери, перенес через порог своего дома, а на следующий день Корнелия Цинилла впервые появилась в наряде матроны... Но безмятежное счастье, которое во все времена окружало счастливых новобрачных, было разрушено уже через несколько дней после свадьбы.

Дело в том, что отец Корнелии Циниллы – патриций Луций Корнелий Цинна – был сторонником римского военачальника и консула Гая Мария, который захватил власть в Риме, но проиграл в битве с другим претендентом на власть – Луцием Корнелием Суллой. Вряд ли перипетии большой политики интересовали юную Корнелию Циниллу, хотя Гай Юлий Цезарь бесспорно следил за «положением на фронтах». Его тесть и отец Корнелии Циниллы до конца оставался верен Гаю Марию и погиб... А Сулла, прибыв в Рим в качестве победителя, немедленно приказал изгнать всех сторонников Гая Мария и даже родственников погибших сторонников, а также демонстрацией верности Сулле со стороны его подданных должны были стать разводы с женщинами из семей сторонников Гая Мария. Многие развелись... Но Гай Юлий Цезарь отказался. Слишком дорога ему была его маленькая Корнелия Цинилла. Дороже карьеры, которой он рисковал. Дороже жизни, которую у него могли отнять: его имя едва не внесли в «проскрипционные списки» людей, объявленных вне закона и приговоренных к смерти. Спасли его только многочисленные прошения со стороны его родных, а также людей, которые видели в этом юноше яркую личность и считали, что его смерть будет утратой для Рима. Однако же Гай Юлий Цезарь был лишен престижной должности и всего своего состояния, а Корнелия Цинилла – своего приданого. Супругам пришлось покинуть Рим и уехать в Малую Азию. Однако они остались вместе и уже этим были счастливы...

Гай Юлий Цезарь, как любой римлянин, мечтал о сыне. Но из-за юного возраста вступающих в брак девушек гибель от родов стояла на первом месте среди причин женской смертности в Древнем Риме, превосходя даже ущерб от эпидемических заболеваний: достаточно почитать эпитафии на сохранившихся римских саркофагах и надгробиях, чтобы убедиться, сколько юных жен не смогли пережить рождения первого же ребенка. В благородном сословии это было столь серьезной проблемой, что, по словам польского историка Александра Кравчука, «высокая ранняя смертность среди женщин приводила к так называемой маскулинизации старших возрастных групп – мужчин в них было значительно больше, чем женщин».

Первые роды Корнелия Цинилла пережила, хотя дались они ей тяжело: свою дочь Юлию Цезарис она произвела на свет в первый же год после свадьбы, то есть сама была еще ребенком, когда родила ребенка. После Корнелия Цинилла долго хворала. Несколько последующих беременностей закончились выкидышами. Но Гай Юлий Цезарь любил свою жену также горячо, как в день их свадьбы.

Они вместе пережили многое: и изгнание, и возвращение в Рим, когда Сулла умер...

Они прожили вместе четырнадцать счастливых лет.

Корнелия Цинилла успела застать начавшееся возвышение Гая Юлия Цезаря, когда в 68 году до нашей эры она умерла, рожая их второго ребенка. Это был мальчик, и он тоже не выжил.

Гай Юлий Цезарь женился еще дважды: ведь ему нужен был сын.

Всего через год после смерти Корнелии Циниллы он женился на красавице Помпее Сулле – кстати, внучке Суллы, своего гонителя! – но эту женщину выбрала для него мать, а мнение матери Гай Юлий Цезарь уважал. Однако за шесть лет совместной жизни Помпея

Сулла не принесла ему детей, и Гай Юлий Цезарь с легкостью развелся с ней, потому что считал ее глупой, болтливой транжирой.

Затем он женился на Кальпурнии Пизонис, молодой благоразумной девушке из богатой и знатной семьи. Но она тоже не смогла родить ему детей... Однако эту жену Цезарь не бросил: Кальпурния Пизонис смогла вызвать его уважение. Уважение, но не любовь.

Если бы не необходимость продлить род, возможно, он бы остался верен памяти Корнелии Циниллы: все считали, что она была его единственной истинной любовью... Вернее, оставалась единственной и истинной, пока он, на закате лет, не встретил легендарную Клеопатру. И вот как удивительно сплетает судьба свои кружева: именно Клеопатра родила Гаю Юлию Цезарю желанного сына – Цезариона.

Ему пришлось пережить смерть их с Корнелией Циниллой дочери: Юлия Цезарис вышла замуж по воле и выбору отца – и умерла в родах, так же как и ее мать...

А Гай Юлий Цезарь стал первым римским императором. Объединив в своих руках всю власть, он заменил первое имя своего имени – Гай – тем почетным кличем, которым римское войско приветствовало победителя – *imperator*! И отчеканил на своих монетах: *Imp(erator) Caesar p(ater) p(atriciae) dict(ator) perp(etuis)* – «Цезарь, отец отечества, правитель неизменный». С тех пор имя Цезарь стало одновременно и титулом – всех императоров называли «Цезарь» (или, как обычно, произносят на русском, «Кесарь»)

Он был убит в результате заговора 15 марта 44 года до нашей эры.

И кто знает, быть может, когда тьма застилала его глаза, он вспомнил не последнюю свою любовь, не египетскую царицу Клеопатру во всем блеске ее красоты и славы, а ту нежную застенчивую девочку, которую он когда-то перенес через порог своего самого первого дома?...

Гай Юлий Октавиан Август и Ливия Друзилла

17 января 38 года до нашей эры

Ливия Друзилла была красавицей. Это могло бы стать источником множества неприятностей для нее и ее близких, если бы она не была к тому же умна и не обладала уникальным даром приспосабливаться к обстоятельствам.

Девушка из благородного патрицианского рода, Ливия Друзилла в шестнадцать лет была выдана замуж за Тиберия Клавдия: он был одним из военачальников Гая Юлия Цезаря, но, когда того убили заговорщики, изменил своей присяге и присоединился к убийцам. Тиберий Клавдий считал, что выбрал победившую сторону. Однако вскоре ему пришлось бежать из Рима: Гай Юлий Октавиан Август, приемный сын Цезаря, преследовал всех убийц его отца, а также всех, кто его предал.

Ливия Друзилла только что родила сына Тиберия, будущего императора, и с грудным младенцем на руках ей пришлось бежать вместе с мужем. Когда они под покровом ночи поднимались на корабль в Неаполе, плач малыша Тиберия едва не выдал их. Из Сицилии они бежали в Спарту, оттуда пробирались горными тропами и попали в лесной пожар... Ливия Друзилла, спасая Тиберия, сильно пострадала: сгорела ее одежда и волосы, и на теле навсегда остались шрамы. Но прекрасное лицо огонь не тронул, волосы потом отросли, а тело было прикрыто нарядной одеждой, когда она, девятнадцатилетняя, беременная вторым ребенком, предстала перед глазами Гая Юлия Октавиана Августа: из политических соображений он решил простить врагов Цезаря и позволил их семьям вернуться в Рим.

Ливия Друзилла

Октавиан Август влюбился в нее с первого взгляда.

Он был женат. Его супруга, благородная Скрибония, со дня на день должна была родить.

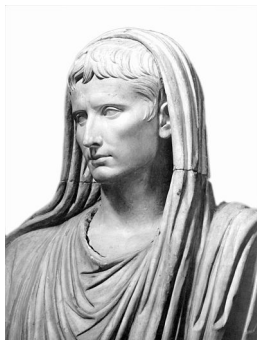
Октавиан Август дождался родов. Узнав, что Скрибония произвела на свет не наследника, а всего лишь девочку, он в тот же день объявил ей о разводе... И попросил руки Ливии Друзиллы у ее мужа. Вернее, не попросил, а потребовал. Но Тиберий Клавдий не хотел снова покидать Рим и был готов на все, лишь бы оставаться в милости у Октавиана Августа.

Октавиан Август испросил разрешения у жрецов: его тревожило, можно ли жениться на беременной женщине, или надо дожидаться, пока Ливия разродится. Жрецы ответили, что можно, если факт беременности известен, чтобы не было сомнений в том, кто отец ребенка.

17 января 38 года состоялась пышная, но очень странная свадьба: невеста была на шестом месяце беременности, что для Древнего Рима было все же оригинально, да еще роль

отца, выдающего дочь замуж, играл ее бывший муж и отец ребенка, которого она носила! Польский историк Александр Кравчук пишет: «В те времена женщины обычно держали при себе мальчиков – что-то вроде амуров. Увидев, что на пиру Ливия занимает место рядом с Октавианом, а Тиберий Клавдий расположился в другом месте рядом с кем-то другим, один из мальчиков подошел к ней со словами: “Что ты здесь делаешь, госпожа? Ведь твой муж вон там!” – и показал пальцем. Гости изрядно позабавились, однако не показывая виду».

В положенный срок Ливия родила еще одного сына, который получил фамильное имя Друз. Октавиан Август немедленно отослал младенца к его настоящему отцу. А римляне придумали ехидную поговорку: «У счастливых людей дети рождаются через три месяца после свадьбы».

Гай Юлий Октавиан Август

Да, Ливия Друзилла и Октавиан Август были очень счастливы вместе. Но, увы, общих детей у них не было. Их единственный ребенок родился мертвым, и больше Ливия забеременеть не смогла. Недоброжелатели видели в этом немилость богов, оскорбленных поступком Октавиана Августа, отнявшего жену у мужа... Однако брак их продлился больше полувека и до конца оставался гармоничным и радостным.

Ливия Друзилла стала первой признанной сенатом императрицей Рима.

Когда Ливию спрашивали, как ей удалось так привязать к себе мужа – ведь другую бездетную жену давно бы отослали прочь! – она отвечала: «Истинной скромностью, тем, что всегда охотно исполняла все его желания, и тем, что никогда не вмешивалась в его дела, а еще тем, что не только никогда не упрекала его за романы на стороне, но притворялась, что о них и не подозреваю».

Гай Кальпурний Пизон и Корнелия Орестина

37 или 38 год

Эта свадьба сохранилась в истории как одна из самых пышных и одна из самых скандальных свадеб своего времени.

Гай Кальпурний Пизон происходил из богатой и знатной семьи, был отчаянным карьеристом и собственную свадьбу с юной красавицей Корнелией Орестиной решил превратить в спектакль для главного гостя и зрителя: для императора Калигулы, который удостоил его чести быть свидетелем его бракосочетания.

Чрезмерное хвастовство до добра не доводит.

Как и положено, в зале, полном веселящихся гостей и усыпанном лепестками роз, жених и невеста возлежали рядом на покрытом ароматными цветами ложе, символизирующем их будущее супружеское ложе, принимали поздравления и подарки, а самые почетные гости также возлежали (ибо у римлян было принято не сидеть, а лежать на пирах) и пели эпиталаму, то есть свадебную песню, написанную Гаем Валерием Катуллом, одним из известнейших поэтов Древнего Рима:

Девушка также: невинна пока – бесплодно стареет.
Если ж, для брака созрев, достойно в супружество вступит,
Мужу дороже и меньше родителю в тягость.
Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!
Девушка, ты не перечь такому супругу. Нельзя ведь!
Право, перечить тому, за кого сам отец тебя выдал.
Мать и отец заодно – их воле должна быть послушна.
Девство не все ведь твое, а отчасти родителей также:
Треть в нем отцовская есть, материнская треть в нем другая,
Треть лишь одна в нем твоя. Потому не перечь ты обоим,
Тем, что права передали свои и приданое зятю...
Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!

Явился им явно не Гименей, благословляющий брак, а какое-то иное, жестокое и похотливое божество, по мановению руки которого император Калигула вдруг увидел, что юная Корнелия Орестина и правда необыкновенно прекрасна и желанна. И он захотел ее – себе. «Не прижимайся так к моей жене!» – сказал он потрясенному Гаю Кальпурнию Пизону. И шагнув к ложу молодых, буквально сорвал с него невесту и сжал в объятиях. И заявил, что женится на ней сам...

Все были шокированы, скандализированы, но никто не посмел перечить императору, которого уже тогда все боялись: слишком легко Калигула принимал решение кого-либо казнить, и слишком изобретателен он был в способах казни.

Калигула даже не дождался ночи и традиционного уединения в доме для новобрачных: он увел Корнелию Орестину в одну из комнат и приказал, чтобы Гай Кальпурний Пизон следовал за ними и был свидетелем того, как Калигула овладеет его невинной невестой. То ли для утоления своих садистских пристрастий, то ли для того, чтобы еще сильнее унижить Гая Кальпурния Пизона, Калигула так грубо набросился на девушку, что ее крики были услышаны даже пирующими в зале... После Калигула увез полубесчувственную Корнелию Орестину к себе во дворец. По словам польского историка Александра Кравчука, на следующий

день «Калигула издал эдикт, в котором говорилось, что он женился, последовав примеру Ромула и Августа. Первый из упомянутых похитил сабинянок у мужей и отцов, а второй отобрал Ливию у мужа».

Гай Кальпурний Пизон. *Изображение на античной монете*

Правда, брак Калигулы с Корнелией Орестиной продлился недолго. Калигуле нравились женщины страстные и изобретательные в любви. А она, после жестокого надругательства, которому император подверг ее в день свадьбы, всякий раз рыдала, когда он осуществлял свое право супруга и господина. За несколько дней Корнелия Орестина наскучила Калигуле, и он развелся с ней, однако запретил ей даже видеться с Гаем Кальпурнием Пизоном.

Видимо, какую-то извращенную страсть Калигула продолжал питать к этой несчастной женщине, потому что через два года он приказал сослать и Корнелию Орестину, и Гая Кальпурния Пизона по обвинению в том, что они все-таки встречались. Правдивым было это обвинение или нет – неизвестно. Император позаботился о том, чтобы несостоявшиеся супруги были высланы в максимально удаленные друг от друга области. Правда, им было позволено взять в изгнание по десять рабов, что означало вполне комфортную жизнь. На этом следы Корнелии Орестины теряются во мраке истории, а Гай Кальпурний Пизон еще вернулся в Рим, еще раз женился и уже при императоре Нероне был приговорен к смерти и покончил с собой, чтобы избежать казни.

Средневековье и Возрождение

Король Эдуард II Английский и Принцесса Изабелла Французская

25 января 1308 года

В начале XIV века случилось так, что соседними странами, Францией и Англией, правили два выдающихся короля. Во Франции – Филипп IV, получивший прозвище за внешность – Филипп Красивый, а за характер – Железный король. В Англии – Эдуард I, получивший прозвище за внешность – Эдуард Длинноногий, а за характер – Узурпатор: правда, так его звали только обиженные им шотландцы, но все же это прозвище о многом говорит. У короля Франции были сыновья и дочь. Сыновья, которыми он не слишком гордился. И дочь – прекрасная Изабелла, отец сожалел, что она не родилась мальчиком. У Эдуарда I дело обстояло еще хуже: его единственный наследник, принц Эдуард, был гомосексуалистом. И все же они решили поженить детей – ради будущей славы и общего величия Франции и Англии. Если бы только они могли предвидеть, что эта свадьба приведет к стольким несчастьям, а в финале – к Столетней войне.

Когда пятнадцатилетнюю Изабеллу отец отправлял в Англию, он сказал ей: «Дочь моя, я выдаю тебя замуж не за мужчину – я выдаю тебя за короля!» Изабелла запомнила эти слова отца и всю жизнь была достойной женой английской короне. Даже тогда, когда мужчина, ставший мужем Изабеллы, был ею уже уничтожен, верность короне она блюла свято!

Принц Эдуард внешне был очень женственным, любил наряды, роскошные ткани и драгоценные украшения, а больше всего на свете он любил рослых, крепких, плечистых парней, причем для него было безразлично происхождение очередного любовника, и он частенько одаривал своим вниманием сильных и мускулистых каменщиков, некоторые из которых были не прочь подзаработать, приласкав женоподобного принца. Но, разумеется, постоянных фаворитов Эдуард выбирал только из числа аристократов.

Коронация Эдуарда II Английского и Изабеллы Французской. *Иллюстрация XX в.*

Для его отца, Эдуарда I Длинноногого – жестокого и великого короля, прославившегося тем, что он практически поработил Шотландию, – наклонности сына были источником постоянных огорчений. Но ничего поделать с этим было невозможно, а сын был единствен-

ным... Быть может, будь у Эдуарда I еще один сын, с нормальной сексуальной ориентацией, отец предпочел бы передать корону ему, а «неудачного» Эдуарда попросту убил бы. Эдуард I был способен убить собственного сына. Он вообще на многое был способен. Однако, поскольку других сыновей не было, приходилось терпеть этого! Ненависть короля к неудачному отпрыску иногда выплескивалась в жестоких побоях, которым он подвергал принца, а также в убийствах его фаворитов. Но принц выздоравливал после очередной трепки, а на смену убитому фавориту всегда приходил новый.

Изабеллу предупредили обо всем, и она была готова... Готова отдаться собственному свекру! Ведь и Филипп Красивый, и Эдуард Длинноногий понимали, что принц Эдуард просто не сможет овладеть женщиной и зачать ребенка, он питает к женщинам такое отвращение, что физиология не позволит ему продолжить род. Да Эдуард и не стремился получить внука с «дурной кровью». Он собирался сам зачать ребенка, который должен был бы унаследовать лучшие качества отца и матери – его самого и принцессы Изабеллы.

Возникает вопрос: почему Эдуард Длинноногий не женился на Изабелле сам? Ведь он был вдовцом и мог взять новую жену... Возможно, будь он моложе и не так болен, Эдуард Длинноногий именно так и поступил бы. И убил бы недостойного принца Эдуарда, получив от Изабеллы сильного и здорового сына. Но теперь он не мог так поступить. Его тяготили старые раны, особенно одна, в пробитом стрелой легком, и король понимал, что умрет очень скоро. Ребенок останется сиротой, совсем маленьким... И как всегда в такой ситуации, найдутся другие претенденты на престол. Нет, лучше, чтобы малыш считался сыном принца Эдуарда. Пусть Эдуард пока поживет и обеспечит видимость законного престолонаследия в случае, если его отец умрет, не успев вырастить «внука», а истинный наследник пусть вырастет в спокойной обстановке. В том, что, повзрослев, его сын от Изабеллы восстанет против ничтожного содомита и снимет с него корону, Эдуард I не сомневался. Возможно, именно он подтолкнул Изабеллу к тому, что она впоследствии совершила... И в любом случае Эдуард Длинноногий не осудил бы свою невестку! Но ему не повезло. Он умер от ран летом 1307 году, во время очередного шотландского похода.

Изабелла вышла замуж в 1308 году, уже после его смерти. И даже на собственную свадьбу принц Эдуард прибыл в сопровождении очередного любовника, Пирса Гэвистона. И первую брачную ночь провел в его объятиях. А Изабелла утешалась чтением: она привезла с собой целый сундук книг.

Их свадьба была значительным событием для европейской истории: недаром художники сочли нужным изобразить первую встречу Изабеллы и Эдуарда, когда она сошла на берег в Англии, и их бракосочетание, и копии с этих рисунков были разосланы ко всем королевским дворам. Если судить по рисунку, в день свадьбы невеста, чья красота прославилась на всю Европу, была в синем платье и в синем плаще, затканном золотыми узорами и отороченном белым горностаем. Плащ был таким длинным, что его придерживала фрейлина. На голове у принцессы была корона, золотистые волосы распущены по плечам. Впрочем, судить по этим рисункам о ее красоте сложно, потому что в Средневековье еще не умели делать удачных портретов... Приходится опираться на воспоминания современников.

Изабелла исполнила-таки мечту Эдуарда I и родила в 1312 году мальчика, который был крещен Эдуардом, как отец и дед. Он рос именно таким ребенком, о каком мечтал его покойный дедушка: здоровым, сильным, умным, волевым. Еще в раннем детстве он доставлял много хлопот нянькам, а потом и воспитателям. Он все хотел знать, всюду хотел побывать, все попробовать... А первое его слово было «хочу».

Кто стал настоящим отцом будущего Эдуарда III – остается одной из загадок истории. Некоторые ученые считают, что сам Эдуард II поднапрягся и смог осуществить свой королевский долг: произвести наследника. В конце концов, ему приписывали четырех внебрачных детей! Другие ученые утверждают, что Эдуард питал к женщинам отвращение и

вовсе не мог вступать с ними в близость, что внебрачные дети были выдумкой, необходимой для того, чтобы доказать – король на самом деле нормальный мужчина, а вовсе не мужеложец... Кто-то считает, будто Эдуард Длинноногий сам назначил себе «преемника», чуть ли ни одного из своих внебрачных сыновей, дабы тот овладел Изабеллой и зачал наследника... Но в воспоминаниях современников не встречается никаких упоминаний о том, чтобы у Эдуарда Длинноногого были внебрачные сыновья! Если бы они были, ему бы хватило силы и решимости устранить законного, но недостойного короны и посадить на трон бастарда. Говорили также, что это Филипп Красивый, отец Изабеллы, узнав о том, что спустя три года после свадьбы она все еще остается девственницей, прислал из Франции своего родственника, Робера Д'Артуа, с указанием соблазнить Изабеллу и оставаться при ней до рождения сына, а если первый ребенок окажется девочкой – сожительствовать и дальше, пока она не родит сына. Эта версия более правдоподобна. Но наверняка все-таки ничего не известно. Создатели оscarоносного фильма «Храброе сердце» утверждают, будто Изабелла родила сына от шотландского национального героя Уильяма Уоллеса. Красивая версия, но на самом деле у них не было даже возможности познакомиться. Уильям Уоллес был казнен в 1305 году, за три года до приезда Изабеллы в Англию. Хотя для Изабеллы, наверное, была бы предпочтительнее та версия, которую представил зрителям режиссер и актер Мел Гибсон! Во всяком случае, так ее юность хоть однажды была бы озарена нежным чувством...

Тогда как на самом деле в юности и в молодые годы Изабелла не знала никаких иных чувств, кроме чувства долга, довлевшего над всем ее существом. И ненависти... Отчаянной ненависти к мужу и его фаворитам.

Эдуард II, по сути, сам загубил и свою жизнь, и свое царствование. Он позволял своим любовникам и их родне управлять страной, он рассорился с баронами, он унижал свою властную, умную, энергичную супругу. Закономерным результатом стал заговор, в который Изабеллу втянул один из давних недругов Эдуарда II: барон Роджер Мортимер. Он соблазнил королеву, не знавшую страсти, и убедил ее, что необходимо восстать против короля, пока против него не восстала вся Англия. Изабелла согласилась, что она сама станет куда как лучшей правительницей, а когда сын подрастет – передаст корону ему. Эдуард II был свергнут. Его фавориты казнены или изгнаны. А он сам сначала заточен, а потом убит.

Изабелла правила страной, но недолго: ее сын, Эдуард III, которого короновали сразу после свержения его отца, рвался к власти. Он видел серьезных соперников своим правам в лице собственной матери и ее любовника Роджера Мортимера. В 1330 году Эдуард III приказал казнить Мортимера, а Изабеллу отправил в заточение.

А между тем во Франции братья Изабеллы умерли, не оставив прямых наследников. И Эдуард III потребовал французский престол, считая, что имеет на него право как единственный прямой потомок. Однако во Франции уже приняли салический закон, согласно которому женщины не могли наследовать корону. В Англии этот закон оспаривали... Так началась Столетняя война.

Лайонел, герцог Кларенс и Виоланта Висконти

1368 год

Это была свадьба, о пышности которой и о приданом невесты по всей Европе шли восторженные и недоверчивые разговоры. Сам брак оказался коротким – тридцатилетний новобрачный скончался всего через четыре месяца после свадьбы, и начались новые разговоры, на этот раз о том, что его, возможно, отравил тесть. Овдоветь в четырнадцать лет... Даже в те времена, когда женщины выходили замуж очень рано, такое случалось не часто. Девять лет спустя вдова вышла замуж ещё раз (вернее, её фактически насильно выдали замуж) – и второго мужа убили спустя полтора года; вышла замуж в третий – и вскоре умерла, всего в тридцать два. Это была эпоха жизней порою очень коротких, зато теперь кажущихся нам удивительно яркими...

Виоланта Висконти в образе святой, с братом.

Лайонел Антверпенский родился в Антверпене, однако был он английским принцем, сыном английского короля Эдуарда III. Первая жена Лайонела скончалась рано, оставив ему единственную дочь, Филиппу, так что молодому герцогу пришлось искать новую супругу. И она нашлась – Виоланта, дочь Галеаццо II, правителя Милана. Обещанное приданое могло соблазнить кого угодно – королю Эдуарду отец Виоланты пообещал сто тысяч флоринов, Лайонелу – двести; по тем временам это была неслыханно огромная сумма! А ещё – земли, пять городов, богатые подарки... Так что Лайонел пустился в долгий путь, чтобы обрести новую жену и новые богатства. А невеста? Ей было всего четырнадцать, столько, сколько было в своё время Лайонелу, когда он женился в первый раз. Очередная юная наследница, мнение которой в очередной раз никто не спрашивал. Портретов Виоланты до нас не дошло, но её отец считался одним из самых красивых мужчин своей эпохи, так что можно предположить, что она унаследовала его золотистые волосы и правильные черты лица.

В начале мая 1368 года герцог Кларенс в сопровождении своей свиты добрался до Италии. Есть основание предполагать, что в свите, сопровождавшей его, был и Джеффри Чосер, тот самый, которого станут называть «отцом английской литературы», и что именно тогда он встретился с Петраркой и Боккаччо. И если уж упоминать этих великих авторов, то не забудем и про знаменитого хрониста Жана Фруассара, который тоже присутствовал на свадьбе.

Двор Галеаццо II в те времена находился в Павии, неподалёку от Милана, и вплоть до дня венчания герцога Кларенса и его свиту всячески развлекали и там, и в окрестностях. Надо думать, конец весны и начало лета, щедрое итальянское солнце и не менее щедрое итальянское гостеприимство превратили это время для англичан в сплошной праздник!

Свадьба состоялась 28 июня в Милане, в церкви Санта-Мария Маджоре, венчал пару сам епископ. Кульминацией дня стал свадебный пир, состоявшийся на площади перед палаццо Аренго. Там расставили множество столов – за главным сидели герцог с новоиспечённой герцогиней, её отец, а также прославленный Франческо Петрарка. За отдельным столом сидело около сотни самых прекрасных дам миланского двора в роскошнейших нарядах, украшенных драгоценными камнями и жемчугом. Гости из Англии, гости из Италии – площадь была заполнена почти целиком. Тогдашний хронист писал: «Так роскошен был пир, что остатками со стола можно было накормить десять тысяч человек».

Брат невесты, Джан Галеаццо, и его молодые спутники с каждой новой переменной блюд приносили новые подарки: «Первое блюдо, в знак особых почестей, было подано к столу жениха, среди прочего, там были два поросёнка, полностью позолоченных, и их рты изрыгали огонь; были также и маленькие золочёные рыбки. В качестве подарка были преподнесены две превосходнейшие борзые, каких только можно было найти, соответствующе украшенные; их обвели кругом и показали присутствующим. Вторая перемена состояла из позолоченных оленей и щук; да ещё двенадцать борзых и шесть ястребов в подарок. Третья перемена – большой телёнок на серебряном блюде, в окружении позолоченной форели; в подарок – двенадцать охотничьих псов разных пород, с бархатными ошейниками и шёлковыми поводками. Четвёртая перемена, которая сопровождалась двенадцатью парами охотничьих собак и двенадцатью прекрасными соколами, с серебряными клубочками, бубенчиками и прочим, состояла из позолоченных куропаток и перепелов и жареной позолоченной форели. Пятая перемена, из позолоченной дичи всех видов и большого позолоченного карпа, сопровождалась подарками, похожими на подарки к четвертой, только клубочки соколов были украшены драгоценным жемчугом. С шестой переменной были поданы главные блюда пира и самые громоздкие подарки – говядина и каплуны с чесночным соусом и целые осетры; двенадцать посеребрённых стальных кирас превосходной работы для жениха. На седьмую перемену подали невиданные нами до того блюда – каплуны, дичь и рыба в лимонаде; а в подарок преподнесли двенадцать несравненных миланских доспехов, а также двенадцать сёдел и копий для рыцарских турниров. Восьмая перемена – мучное, говядина и огромные пироги с угрями, а к ним – ещё двенадцать доспехов. Девятая перемена и следовавшая за ней были более скромными и состояли из мяса и рыбы, студня и миног; подарками были золотые монеты, золотая парча, серебряные вазы и фляжки, наполненные винами. Одиннадцатая перемена этого бесконечного пира была из козлятины, а в подарок преподнесли шесть осёдланных лошадей, копыя, шлемы и всё остальное, а также шесть собак с золотыми попонками и украшениями. Тринадцатая перемена была из оленины и говядины; привели шесть боевых коней, с позолоченной упряжью, и с полной геральдической сбруей. Четырнадцатая – домашняя птица, каплуны и прочее, в разноцветных соусах с лимоном; и шесть турнирных лошадей в позолоченной сбруе, с красными бархатными попонками и поводьями. Пятнадцатая – павлиньи языки, снова карп, которого очень любят итальянцы и французы, овощи и фрукты. В подарок преподнесли герцогскую мантию, головной убор и одеяние, расшитое жемчугом и отделанное горностаем. Шестнадцатая – кролики, павлины, утки и так далее; в подарок – огромный серебряный сосуд, в котором лежали большой рубин, бриллиант, большая жемчужина и ещё сколько-то других драгоценных камней. Семнадцатая перемена была по сравнению с остальными в сельском духе, пасторальной – сыр пармезан, прославленный среди эпикурейцев, и другие молочные продукты, что сопровождал очень уместный подарок – двенадцать коров. Для восемнадцатой перемены – фруктов и различных

вин – приберегали самые ценные подарки. Герцог Кларенс получил от своего свёкра двух великолепных боевых скакунов, которых звали Лев и Аббат, и семьдесят семь коней для его рыцарей и баронов.

Стол жениха на этом невиданном пиру, который шёл много часов, обслуживали двенадцать главных рыцарей герцогства, а пажи, обслуживавшие другие столы, хоть были и ниже по рангу, но все были благородной крови».

Многочисленные подарки получили не только жених с невестой, но и множество гостей со стороны жениха – Галеаццо II проявил невиданную щедрость; приданому и празднованию свадьбы его дочери могла позавидовать любая европейская принцесса!

Вот только счастье от этого не зависит совершенно.

Иаков II Шотландский и Мария Гельдернская

1449 год

Юная девица знатного рода на протяжении долгих веков представляла собой, как ни банально сравнение, пешку на шахматной доске. На разукрашенной доске, из чёрного дерева и слоновой кости, с фигурками из золота, украшенными драгоценными камнями; но всего лишь пешку. Правда, если она оказывалась сильной, упорной, смелой, то вполне могла добраться до другого края доски и стать королевой. С Марией Гельдернской так и произошло – из маленькой девочки, которую хотели выдать замуж то за одного, то за другого, она превратилась в королеву Шотландскую и даже правила страной (вернее, её частью) после гибели мужа. Но тогда, когда ей было пятнадцать, роль играли лишь происхождение и приданое...

Дочь герцога Гельдернского, Мария приходилась внучатой племянницей Филиппу Доброму, великому герцогу Бургундскому. Его супруга Изабелла Португальская, при дворе которой Мария жила с двенадцати лет, и занялась таким важным вопросом, как будущий брак Марии. Молодой шотландский король Иаков II как раз подыскивал себе невесту...

Иаков II Шотландский. *Старинная гравюра*

Переговоры шли долго. Когда четыре года назад Марию сосватали в первый раз, её отец заявил, что не может выплатить такое приданое, какое хотела бы сторона жениха, и брак не состоялся. На этот раз всё было серьёзнее, и в феврале 1449 года к шотландскому двору отправились представители Бургундии, чтобы обсудить детали брачного контракта. Нам известно лишь, что отмечены эти переговоры были великолепным турниром в Штирлингском замке, где девятнадцатилетний Иаков II, несмотря на возраст, уже немало к тому повидавший в своей жизни, сражался против бургундского рыцаря. А сам брачный контракт был подписан 1 апреля. Помимо политического союза королевства Шотландия и двух герцогств, Бургундского и Гельдернского, главное, что он предусматривал, – это размер приданого, которое выплачивала сторона невесты, и размер содержания, которое будущий муж должен был выплачивать жене. Герцог Бургундский (а не отец, заметим!) давал за своей внучатой племянницей Марией огромную сумму, шестьдесят тысяч крон, а король Иаков обязывался выплачивать ей десять тысяч крон ежегодно. Перечисление же земель, которые он передавал будущей жене, занимало целую страницу. Суммы были просто огромными, и, если учесть, что жених владел вовсе не самой богатой страной в Европе, а Мария была дочкой герцога, а не короля... Впрочем, брат её бабушки, герцог Бургундский, был богаче иных королей. Кроме приданого, герцог Филипп полностью оплачивал путешествие Марии

в Шотландию, а Изабелла Португальская – её роскошное приданое. Словом, на юную Марию собирались обрушить золотые горы.

Мария Гельдернская. *Прижизненный портрет*

Расставаясь с герцогом и герцогиней, которые несколько лет были её семьей, Мария Гельдернская горько плакала, но её можно понять. Ей было всего пятнадцать, и её отправляли в совершенно неведомую страну... 18 июня она со свитой прибыла в Шотландию, где остановилась в Холирудском аббатстве – говорят, что приветствовать будущую королеву туда явилось не менее десяти тысяч человек. Марию посетил жених-король, представивший своих придворных, она передохнула после долгого пути и, наконец, была готова к дню, ради которого всё затевалось.

3 июля там же, в аббатстве, состоялась свадьба. Жених встретил невесту у входа в церковь, взял за руку и провёл к алтарю, перед которым они преклонили колени. После венчания должна была состояться коронация, и дамы препроводили Марию в часовню, где помогли ей сменить наряд – описание платья, в котором венчалась новая шотландская королева, не сохранилось, зато после она, по всей видимости, надела свой самый роскошный наряд, привезённый из Бургундии, – платье и мантия пурпурного бархата, отделанные горностаем.

Завершились церемонии роскошным банкетом. Король и королева сидели не рядом, а на разных концах стола. За вторым столом сидели шотландские и бургундские дамы, за третьим – церковные сановники (причём, по воспоминаниям современников, деревянная чаша с вином за этим столом постоянно ходила по кругу и никогда не оставалась пустой).

Среди блюд, подававшихся там, стоит упомянуть огромный поднос, на котором была фаршированная голова дикого кабана, вокруг которой были установлены тридцать два флага – самого короля Иакова и его лордов. А когда повар поджёт голову, то это яркое, необычное зрелище, как упоминалось, привело в восторг бургундцев, которые, принадлежа к одному из самых богатых дворов в Европе, знали толк и в еде, и в развлечениях. После этого на королевский стол поставили корабль, сделанный целиком из серебра, очень тонкой работы, а потом потянулась длинная вереница слуг, вносящих роскошные блюда.

Бургундские придворные остались довольны свадебным пиром, однако... после него не последовало танцев, что очень их разочаровало! Пришлось утешаться турнирами, которые начались на следующий день. Через неделю, получив от короля дорогие подарки, бургундцы отправились обратно. И снова, как месяц назад, Мария плакала – на этот раз расставаясь с родной страной уже навсегда.

Такова была плата принцесс за право выйти замуж за короля и стать королевой...

Карл Смелый, герцог Бургундии и Маргарита Йоркская

1468 год

Карл, последний герцог из династии Валуа, правитель Бургундии, игравшей немало важную роль в политических шахматных партиях на карте средневековой Европы, Бургундии, со всеми её богатствами, человек отважный и жестокий, как полагалось тогдашнему властителю, был одним из самых известных людей своего времени. Так стоит ли удивляться тому, что его свадьба была отпразднована с пышностью, поражавшей даже тогда? Её помнили, ей подражали, её пытались превзойти. И если использовать выражение «свадьба века», то свадьба Карла Смелого была, безусловно, свадьбой века. Пятнадцатого.

Карл был женат трижды. На французской принцессе его женили, когда ему было семь, а ей тринадцать, но через пять лет, так и не успев стать ему настоящей женой, она скончалась. Второй брак, с Изабеллой Бурбонской, подарил герцогу единственную наследницу, дочь Марию, но одиннадцать лет спустя Карл овдовел. В третий раз его выбор пал на Маргариту Йоркскую, свою не столь уж дальнюю родственницу, сестру короля Англии Эдуарда IV – в поддержке этой страны он весьма нуждался. Бургундия и Англия объединялись против Франции и Людовика XI, и этот политический и семейный союз предстояло отметить так, чтобы на него обратила внимание вся Европа.

Карл Смелый. Художник Р. ван дер Вейден

17 мая 1468 года в Англии официально объявили о предстоящем браке принцессы Маргариты с герцогом Карлом, а в Бургундии начали спешно готовиться к свадьбе. В Брюгге сзывали мастеров со всей Фландрии, которым предстояло создать костюмы, драгоценности, гобелены, мебель, доспехи, оружие, всевозможные украшения для улиц, подмости, декорации – словом, всё, бургундский герцог и его приближённые не скупились на оплату самых красивых и дорогих материалов. Позднее один из джентльменов, сопровождавших принцессу, напишет в письме домой, что никогда не видел ничего подобного и что этот двор можно сравнить разве что с двором короля Артура... А ведь сам он приехал не из маленькой, никому не известной страны, а из Англии!

25 июня Маргарита Йоркская прибыла в город Слэйс. Чувствовала она себя неважно, поскольку путешествие по морю далось нелегко, и настолько, что, когда она наконец завидела церковные шпили и башни городка, к которому они приближались, опустилась на колени и начала молиться – конец пути, какое счастье! И захватить их корабль французам

(король Людовик XI, конечно же, был против такого союза Бургундии и Англии), к счастью, не удалось.

Мать Карла Изабелла Португальская и его дочь Мария Бургундская встретились с Маргаритой в первый же вечер. Они приняли свою будущую невестку и мачеху так тепло и сердечно, что это положило начало долгой дружбе. А на следующий день приехал и Карл – он должен был увидеть свою невесту в первый раз. Оливье де ла Марш, приближённый герцога, затем писал: «Когда он прибыл, и они встретились, приветствия с обеих сторон были очень церемонными, а затем они сели на скамью и какое-то время с удовольствием беседовали друг с другом. После некоторых расспросов епископ Солсбери спросил Маргариту, что она думает о своём обручении с Карлом. Она ответила, что “именно для этого и ни для чего другого король Англии послал её сюда” и что она готова исполнить повеление короля. Тогда епископ взял их руки и обручил их. Дама Маргарита оставалась в Слэйсе до следующей субботы, и монсеньор навещал её. В субботу корабли богато разукрасили, чтобы перевезти нашу госпожу в Дамме, где на следующий день монсеньор обвенчался с нею должным образом, и епископ Солсбери благословил их брак в церкви».

Всю неделю, пока Маргарита оставалась в Слэйсе, каждый вечер в её честь устраивались фейерверки. А 3 июля в Дамме (тогда город был гораздо крупнее, чем в наши дни) её встречала праздничная процессия. Они предстали перед алтарём, тридцатипятилетний герцог и двадцатидвухлетняя принцесса, отныне – герцогиня Бургундская. А после венчания все отправились в Брюгге, где и должны были пройти основные торжества.

Невеста ехала в позолоченном экипаже, запряженном белыми лошадьми и, в роскошном наряде, с короной на голове (высокая небольшая корона, которая, заметим, сохранилась до наших дней, была сделана из серебра, вызолочена и украшена жемчугом и цветной эмалью – белыми были розы Йорков, а красными, зелёными и белыми – буквы в имени «Маргарита»). Маргарита была очаровательна и немедленно подкупила своих новых подданных тем, что приветливо махала им рукой, а не откинулась на сиденье и не задернула занавески.

Герцог, ехавший на лошади, выглядел не менее величественно в наряде из золотой парчи, украшенном драгоценными камнями, и с похожей короной на голове. Бургундия готова была продемонстрировать все свои богатства!

Возле дворца герцога, на площадке, обычно используемой для игры в теннис, два месяца возводили деревянный павильон для свадебного пира, настолько большой, что он занял и часть рыночной площади (43×21 м, высотой около 20 м). Окна были стеклянными, а ставни – позолоченными. Все стены внутри украшали гобелены с разнообразнейшими сюжетами: «Потолок большого зала был обтянут белым и голубым шёлком, а стены были завешены роскошными вышитыми гобеленами, изображавшими историю и таинство Ясона и Руна. В центре, за большим столом и над ним, была натянута золотая парча, на которой был вышит герб герцога, а по бокам висели драпировки из красной, голубой и зелёной парчи. В зале, где стоял буфет, висели гобелены, изображавшие великую битву при Льеже, где герцог Иоанн Бургундский и герцог Вильгельм Баварский одержали победу над льежцами. <...> В зале для гофмейстеров висел роскошный гобелен, изображавший коронацию короля Кловиса, названного Людовиком, первого христианского короля Франции; возобновление союза между ним и королём Бургундии Гундобадам; свадьбу короля Кловиса и племянницы Гундобада. <...> В комнате для одевания мадам, убранной белым, красным и зелёным, цвета маргаритки, висела история святой Лукреции».

На рыночную площадь поставили статуи святых Андрея и Георга, покровителей самого Карла и его герцогства, но если они обещали радости небесные, то стоявшие ниже их две фигуры обещали радости мирские – у «Турка» из кончика стрелы в каменную чашу одного бассейна изливалось красное вино, а у «Немца» в другой – белое.

Улицы были разукрашены и запружены народом, из окон высовывались зрители, приветствовавшие свадебную процессию, все были разряжены в свои лучшие одежды (так, сорок тысяч франков потратил герцог Карл только на шерсть и парчу для своих слуг, принимавших участие в процессии).

Впереди шествовала знать, потом трубачи и музыканты, затем отряд лучников, дальше шли епископы, за ними – бургомистры фламандских городов. Отдельно было организовано шествие представителей разных стран и городов, торговавших с Бургундией, купцов торговых домов из Венеции, Генуи, Лондона, Лиссабона и многих других. За ними шли представители ремесленных гильдий, которые несли изображения своих святых покровителей. Словом, это был необыкновенно красочный, как сказали бы сейчас, парад, и всё то время, пока процессия двигалась по улицам Брюгге, не переставая, звонили колокола.

Затем последовал пир. Гости могли только дивиться его роскоши. Зал освещали бронзовые канделябры в виде замков, вокруг которых сделали маленькие искусственные леса с фигурками диких зверей. На буфете было выставлено множество золотой посуды герцога – это одновременно служило украшением и напоминало, что герцог настолько богат, что смог позволить себе не переплавлять посуду на слитки, чтобы расплатиться за свадебное торжество...

Посередине зала стоял бассейн, украшенный серебром и изображавший озеро. По нему плавали тридцать расписанных и позолоченных кораблей, некоторые достигали двух метров в длину, и каждый представлял собой одну из земель герцогства. Они служили своеобразными блюдами, на которых подавали еду гостям. На больших кораблях было жареное мясо, а маленькие кораблики несли груз в виде лимонов, экзотических фруктов и оливок. Из фонтанов били вино и розовая вода. На сладкое кондитеры подали искусно сделанные из сдобного теста замки.

Слух гостей, как и зрение, вкус и обоняние, тоже постоянно услаждали – музыкой и пением. В течение всего пира шло представление с выступлениями жонглёров и танцоров. Затем верхом на огромном позолоченном механическом льве с шёлковой попоной с гербами Бургундии в зал въехала любимая карлица Марии Бургундской, одетая пастушкой (правда, наряд был из золотой парчи). В одной руке у неё было знамя Бургундии, в другой – поводок, на котором она вела маленькую левретку. Когда она подъехала к столу, то было объявлено, что это подарок новой герцогине от пастухов Бургундии, охраняющих свои земли и стада. Лев спел песню и покинул зал. Затем появился трёхметровый механический верблюд, на спине у которого сидел «дикарь» в золоте и шелках и были укреплены корзины с живыми птицами – их в качестве подарка «дикарь» раздал присутствовавшим на пиру дамам. Ну а потом гости были окончательно потрясены, когда через весь зал проследовали тридцать лебедей, и у каждого на шее был орден Золотого Руна! А после этого начались танцы...

Десять дней длились свадебные торжества, и каждый день гостей удивляли чем-нибудь особенным. Так, например, однажды в пиршественный зал одетые великанами люди втащили огромного кита, длиной около двадцати метров и такой высоты, «что всадник на лошади, скачущий рядом, не мог бы увидеть всадника, скачущего с другой стороны». Кит бил хвостом, а затем открыл пасть, и оттуда выскочили одетые маврами танцоры. Когда они закончили свою пляску, «великаны» вновь загнали «мавров» в пасть киту и увезли его. Были представления, на которых показывали подвиги Геркулеса – это заняло три вечера.

«В другой вечер вокруг обеденных столов воздвигли тридцать павильонов и тридцать тентов из цветных шелков, разукрашенных золотом, серебром и лазурью, с которых свисали флаги герцога. Павильоны носили имена городов герцогства Бургундского; тенты – баронов, его вассалов. В середине стояли деревянные подносы с едой. В центре зала поставили модель башни, которую Карл построил в Горихеме, в Голландии, которая почти достигала потолка. Она была обтянута серебряной и голубой парчой, отделка была позолочена, на

трепещущих флагах были гербы герцога. Когда обедающие сел за стол, на башне появился дозорный, протрубил в рог и обеспокоенно оглядел множество тентов вокруг него, как будто бы был в осаде. Поняв, что они скорее помогут ему, чем будут с ним враждовать, он призвал музыкантов, чтобы те сыграли благородному собранию. На верхушке башни отворились четыре окна, и из них выглянули четыре вепря, которые сыграли на трубах и пропели балладу. Затем из четырёх окон, расположенных ниже, выглянули четыре козла и спели мотет. Из четырёх окон нижнего этажа выглянули волки, сыграли на флейтах и исполнили песню. Последняя группа музыкантов, четыре осла, исполнили многоголосое произведение. В заключение этой сценки у подножия башни семь обезьян станцевали мореску». В роли всех этих животных, конечно же, выступали танцоры и музыканты, хотя гости герцога не удивились бы, оказались и эти создания механическими...

На девятый день торжеств пиршественный зал превратили в сад, украшенный золотыми деревьями, с ветвей которых свисали цветы и фрукты из драгоценных и полудрагоценных камней. Из золотых и серебряных фонтанов были струи ароматизированной воды.

Кроме того, на рыночной площади Брюгге прошёл великолепный турнир, «Турнир Золотого древа», организованный прославленным Великий бастардом Бургундским Антуаном, единокровным незаконнорожденным братом герцога Карла, его верным сподвижником. Темой стал сложный сюжет о госпоже сокрытого острова, которая давала рыцарю три задания. Самому сломать 101 копье – или пусть 101 копье сломают об тебя; нанести – или получить – 101 рану мечом; и украсить Золотое древо из её сокровищницы гербами знаменитейших рыцарей (древо изображала высокая позолоченная сосна). Все участники турнира были в роскошных доспехах, в шлемах, украшенных перьями, и изображали мифологических героев или аллегорические фигуры. Сам герцог Карл, конечно же, тоже принял участие в турнире, в течение которого не раз сменял один роскошный наряд другим. Так, например, на открытие турнира он выехал в одежде, подбитой куничьим мехом, украшенной золотой вышивкой и драгоценными камнями, на его чёрной шляпе красовался огромный рубин, а сбруя его коня была усыпана золотыми колокольчиками. Победителем турнира стал Великий бастард Антуан.

Словом, десять дней свадебных чудес потрясли гостей, а вслед за ними слушавшую их рассказы остальную Европу. Это был пик расцвета великолепного бургундского двора, славившегося своей изысканностью и роскошью. Карл Смелый показал образцовый праздник, и вслед за ним многие принцы и герцоги пытались отпраздновать свою свадьбу похожим образом. Но превзойти Бургундию так никто и не смог!

Теперь каждые пять лет в Брюгге проходит красочный фестиваль в честь знаменитой свадьбы. Но, конечно, повторить такую сказку невозможно...

Иван III и Зоя (Софья) Палеолог

1472 год

«Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не быть», – писал старец Филофей Василию III в начале XVI века. Константинополь, столица Византии, второй Рим, пал под натиском турок в 1453 году, а девятнадцать лет спустя Зоя Палеолог, племянница последнего византийского императора Константина XI, въезжала в столицу своего жениха, Ивана III. В Москву, в тот самый будущий третий Рим. «Царевне царгородской» предстояло стать великой княгиней, матерью упомянутого Василия III, привнести на свою новую родину дух родины первой, павшей, привлечь к обновлению Москвы итальянских мастеров, участвовать в династических интригах... Зоя, или, как её потом называли, София Фоминична, была яркой, сильной женщиной. И брак тот многое означал не столько для неё, сколько для Руси, куда она приехала в 1472 году.

Венчание Ивана III с Софьей Палеолог в 1472 г. *Иллюстрация XIX в.*

Через несколько лет после смерти отца, брата византийского императора и деспота Морей, Зоя, её сестра и два брата переехали в Рим, где они воспитывались при дворе папы римского. Руку выросшей царевны предлагали то кипрскому королю, то итальянскому князю, но оба варианта так и не осуществились. А третьим вариантом и стала возможность заключить союз с русским великим князем Иваном III, который как раз недавно овдовел.

В феврале 1469 года посланец кардинала Виссариона Никейского, опекуна Зои, – разумеется, с одобрения папы Павла II – прибыл в Москву предлагать руку царевны из династии Палеолог. Дело оказалось не быстрым – князь Иван хотел посоветоваться со своими боярами и матерью, княгиней Марией Тверской, а затем отправил в Рим служившего при его дворе выходца из Италии, Джана Батистту делла Вольпе, прозванного на Руси Иваном Фрязином. Тому надлежало вести переговоры с папой и кардиналом, а также посмотреть на невесту. Тот не только посмотрел, а и привёз, вернувшись в ноябре 1469 года, её портрет, дело неслыханное при московском дворе. Однако переговоры затянулись, и только в январе 1472 году Вольпе отправился в Италию во второй раз, уже непосредственно за невестой. Он и сопровождавшие его русские бояре прибыли в Рим в мае.

Сохранилось описание Зои тех времён. Правда, заметим, оставил его флорентийский поэт Луиджи Пульчи, сопровождавший в Рим красавицу Клариссу Орсини, супругу Лоренцо Медичи – желая позабавить Лоренцо Великолепного и, весьма вероятно, противопоставить византийскую царевну своей госпоже, Пульчи высказался весьма резко: «Мы вошли в комнату, где торжественно восседала эта толстуха, и уверяю тебя, ей было на чём восседать... Два турецких литавра на груди, отвратительный подбородок, лицо вспухшее, пара свиных

щёк, шея, ушедшая в эти литавры. Два глаза, стоящие четырёх, и с таким количеством жира и сала кругом, что никогда ещё реку По не запруживала лучшая плотина. И не думай, что ноги её походили на ноги Юлия Постника...» Поэт уж чересчур злоязычен, и, заметим, по его же собственному признанию, сама Кларисса была очарована внешностью Зои и сочла её красавицей. К тому же работы по восстановлению внешнего облика Зои Палеолог доказывают, что черты лица у неё были чёткие, правильные, глаза действительно большие, ну а полнота... уж что-то, а тогда дородность на Руси недостатком не считалась, а выйти замуж ей предстояло именно там. Так что оставим это описание на совести остряка – если судить по остальным сохранившимся описаниям современников, это не портрет, а карикатура. Но именно его, увы, любят часто цитировать, забывая упомянуть, что недовольство Пульчи могло быть вызвано и тем, что в гостях у Палеологов флорентийца не угостили так, как он, должно быть, рассчитывал...

1 июня 1472 года в пышно разукрашенной базилике Святого Петра состоялась торжественная церемония. На ней присутствовали королева Боснии Катерина со своими спутниками, Кларисса Орсини, знатные патрицианки Рима, Сиены и Флоренции. Вероятно, были там и греческие соотечественники Зои. Во время обручения оказалось, что кольца невесты русская сторона не припасла – как объяснил Вольпи, у них нет такой традиции. Так что пришлось, по всей видимости, воспользоваться наспех взятыми у кого-то кольцами.

От папы римского Сикста IV (сменившего скончавшегося Павла) Зоя получила подарки и приданое шесть тысяч дукатов. В своём труде, посвящённом союзу Зои и Ивана III, «Царское бракосочетание в Ватикане» П.Пирлинг описывает фреску в Санто-Спирито, «показывающую нам Зою на коленях перед папой, а рядом с нею равным образом на коленях измышление художника поместило жениха; они оба имеют на голове короны, а папа, по бокам которого стоят Андрей Палеолог [брат Зои] и Леонардо Токко, даёт кошелёк Зое».

Кроме того, «королеве русской» предоставили и приличествующую её происхождению и новому сану свиту, а в те места, которые она должна была проезжать на пути в Москву, были направлены соответствующие письма. Так, герцог Модены получил от Сикста IV следующее послание: «Наша возлюбленная во Христе Иисусе дочь, знатная матрона Зоя, дочь законного наследника константинопольской империи Фомы Палеолога, славной памяти, нашла убежище у апостольского престола, спасшись от нечестивых рук турок во время падения восточной столицы и опустошения Пелопоннеса. Мы приняли её с чувствами любви и осыпали её почестями в качестве дочери, предпочтённой другим. Она отправляется теперь к своему супругу, с которым она обручена нашим попечением, дорогому сыну, знатному государю Ивану, великому князю Московскому, Новгородскому, Псковскому, Пермскому и других, сыну покойного великого князя Василия, славной памяти; мы, который носим эту Зою, славного рода, в лоне нашего милосердия, желаем, чтобы её повсюду принимали и чтобы с ней повсюду обращались доброжелательно, и настоящим письмом увещеваем о Господе, твоё благородие, во имя уважения, подобающего нам и нашему престолу, питомицей коего является Зоя, принять её с расположением и добротой по всем местам твоих государств, где она будет проезжать; это будет достойно похвалы и нам доставит величайшее удовлетворение».

24 июня Зоя со своей немаленькой свитой, обеспеченные всем для дальнего путешествия, двинулись в путь. Поначалу они направились на север Италии. Во всех городах, которые лежали на их пути, племянница византийского императора и будущая великая княгиня далёкой Руси вызвала огромный интерес. Так, в Болонье местные жители отметили, что у неё чудесная белоснежная кожа, признак высокого рода, и огромные, очень красивые тёмные глаза. Осталось и описание костюма – пурпурное платье и парчовая, подбитая соболями мантия. Голову Зои украшали драгоценные камни и жемчуг, а на левом плече была застёжка

с особенно крупным драгоценным камнем, бросавшаяся в глаза даже на общем фоне роскошного наряда.

Почти через месяц после начала пути кортеж достиг Венеции, где в честь Зои был дан праздник. В частности, в праздничной процессии «была подвижная башня, наполненная аллегорическими фигурами; множество силачей несло её на своих мощных плечах, а с обоих боков поддерживали её три длинные жерди. Посредине, на почётном месте, сидел молодой человек в белом женском костюме, изображающий справедливость, с венком на голове, с весами и монетами в руках. Два герольда стояли неподвижно по сторонам его. Сверху парил двуглавый византийский орёл, державший в своих когтях царскую державу и меч».

В начале сентября Зоя прибыла в немецкий город Любек, а оттуда, морским путём, отправилась в Колывань (ныне – Таллин); длилось морское путешествие одиннадцать дней. Передохнув, «фрязы и греки из Рима» направились в Юрьев (ныне – Тарту), где их уже встретили представители великого князя, а 11 октября невеста въехала в Псков. И там, и позднее в Новгороде своей будущей государыне горожане устраивали пышные встречи, и, по обычаю, с хлебом-солью.

В Пскове сопровождавших её представителей католической церкви ожидал неприятный сюрприз – внезапно выяснилось, что надежда укрепить влияние католицизма на Руси через Зою напрасна. Зоя посетила православный собор Святой Троицы, где поклонилась православным иконам, также вела она и себя и в Новгороде. Стало ясно, что византийская царевна твёрдо намерена вернуться к вере своего детства, своих предков. И одежду Зоя тоже сменила, отказавшись от итальянского костюма в пользу русского. А ведь папский легат намеревался въехать в Москву с распятием, «латинским крестом», которое несли бы перед ним! Митрополит Филипп был непреклонен и заявил великому князю, что если латинский епископ со своим крестом въедет в одни ворота Москвы, то он, духовный наставник князя, немедленно покинет город через другие.

И вот, наконец, 12 ноября Зоя въехала в Москву. Прежде всего она отправилась к митрополиту, который благословил её, а затем отвёл в палаты княгини Марии и представил её будущей свекрови. Там же ожидал и великий князь; так состоялась долгожданная встреча невесты, сироты, и если не бесприданницы, то только благодаря относительной щедрости римского папы, зато византийской царевны! – и жениха, правителя всё набирающей силу страны.

Кто знает, чего ожидали они оба, семнадцатилетняя невеста и тридцатидвухлетний жених, помимо того, что их союз должен был быть, что называется, династическим? По сохранившимся свидетельствам, князь Иван хотя и сутулился, но был строен, высок и весьма привлекателен. Ну а если учесть, что за годы брака княгиня родит супругу множество детей, надо полагать, их долгая совместная жизнь оказалась достаточно приятной.

Но это в будущем, а пока жених с невестой отправились в небольшое деревянное строение, которое временно заменял строившийся пока Успенский собор. На церемонии присутствовало немного людей – мать Ивана III, его сын от первого брака, Иван Молодой, братья – Андрей и Борис, папский легат, свита невесты и бояре. Заметим, что, согласно одной из летописей, венчание проводил не митрополит Филипп, а «коломенский протопоп Осей».

Вот так, скромно и тихо, Зоя, вернее, теперь уже Софья – так её именовали ещё в первых письмах, отправленных князю Ивану, – стала великой княгиней. Её бурная жизнь только начиналась... Софье Фоминичне предстояло стать матерью другого великого князя, Василия III, и, соответственно, бабушкой Ивана Грозного.

И да, Византия была уже навсегда позади, зато византийский орёл вскоре появится на российском гербе, где его можно увидеть и по сей день.

Георг, герцог Баварский и Ядвига Ягеллонка

1475 год

Сейчас «Ландсхутская свадьба» – яркий фестиваль в средневековом стиле, самый большой не только в Германии, но и в Европе. В 1903 году эту историю разыграло чуть больше 140 участников, в наши дни непосредственное участие принимает около двух тысяч человек, не говоря уже о зрителях. И самое главное его событие – торжественная «свадебная процессия», когда одетые в средневековые костюмы участники этого грандиозного спектакля на историческую тему движутся по улицам города Ландсхута. Жених и невеста, важные гости, епископы и монахи, гвардия, трубачи, знаменосцы, пажи, музыканты – словом, все те, кто когда-то действительно был на Ландсхутской свадьбе в ноябре 1475 года...

На портретах Георг, герцог Ландсхут-Баварский, выглядит мощным, полным мужчиной с длинной бородой. Но, надо думать, в свои двадцать лет он таким не был. И дед будущего герцога, и отец носили прозвище Богатый – в своё время, когда Георг сам станет правителем, так будут называть и его, а пока что герцог Людвиг подыскивал своему сыну Георгу достойную супругу. Весной 1474 году он решает отправить послов ко двору польского короля Казимира IV Ягеллона с указанием обсудить возможность брачного союза Георга и старшей дочери короля, Ядвиги. Надо сказать, что детей у Казимира и его жены, дочери императора Священной Римской империи, было много – шестеро сыновей и семь дочерей; только две дочери умерли в детстве, остальные же дети благополучно выросли – сыновья стали королями и великими князьями, а все дочери – супругами европейских герцогов. Словом, своих отпрысков Казимир пристраивал очень удачно.

Однако решение вопроса с браком Ядвиги затянулось – в частности, баварское посольство король принял далеко не сразу, поскольку в очередной раз воевал с Венгрией (а венгерский король Матьяш Корвин, к слову, тоже был не против жениться на Ядвиге).

Георг, герцог Баварский. *Неизвестный художник XIX в.*

Однако в конце концов всё было улажено. Брак с наследником Баварского герцогства король признал довольно выгодным предложением – ситуация там была относительно стабильной, да и в случае войны с турками герцог Людвиг мог оказать помощь, а главное, недаром Людвиг называли Богатым. Так что 29 декабря 1474 года в Радоме состоялась помолвка, а 31 декабря был подписан брачный контракт – Казимир обязался дать своей дочери приданое в 32 тысячи гульденов (по очень примерным подсчётам, сегодня это было бы около шести с половиной миллионов евро). Правда, на брак потребовалось ещё и особое разрешение папы римского, поскольку по материнской линии жених приходился невесте родственником, пусть и не близким.

Осенью 1475 года в сопровождении большой свиты восемнадцатилетняя польская принцесса отправилась к жениху. Дошедший до нас портрет Ядвиги Ягеллонки был сделан гораздо позднее этого времени и даёт мало представления о том, как она выглядела на самом деле. Зато наряд на ней, безусловно, роскошный. И свадьба Ядвиги с Георгом стала одной из самых роскошных свадеб той поры. Людвиг Богатый демонстрировал свою щедрость и своим подданным, и гостям!

Путь из Польши в Баварию занял около двух месяцев. Несмотря на то что мать её, Елизавета Австрийская, была из рода Габсбургов, немецкого языка Ядвига не знала, и поэтому, когда проезжали очередной город, где невесту баварского наследника торжественно встречали и привечали, ей требовались услуги переводчика. 15 октября в Виттенберге её встретила баварская делегация, которую возглавлял герцог Отто Ноймарктский. На время пребывания там Ядвига остановилась у бабушки жениха, Маргариты Австрийской, которая, как и мать невесты, была из Габсбургов. Сам жених, увы, не смог выехать навстречу, так что постарался, чтобы встреча была как можно более пышной.

Ядвига Ягеллонка. *Неизвестный художник XVI в.*

Утром 14 ноября Ядвига со спутниками (Маргарита отправилась вместе с ней) подъехала к Ландсхуту. У стен города их встречали жених, его приближённые и гвардия императора. Накануне Георг принимал участие в турнире – учитывая, что дело могло закончиться увечьем или смертью, жених рисковал... но, в конце концов, он был ещё молод – когда и рисковать, как не сейчас?! Вот и теперь сразу же, прямо там, был устроен турнир в честь невесты.

На свадьбу прибыл сам император Фридрих III со своим сыном, герцогом Максимилианом, так что после турнира герцог Отто подвёл к императору невесту для церемониального приветствия. После этого маркграф Бранденбургский обратился к Ядвиге с приветственной речью от имени её новой родины (правда, она, как упоминалось выше, не знала немецкого, так что речь ей перевели).

Затем в город въехала торжественная процессия, во главе которой в позолоченном экипаже ехала невеста. Путь лежал к церкви Святого Мартина – в небольшой часовне местные придворные дамы помогли невесте переодеться в парадный наряд, а затем сам император повёл её к алтарю. Разукрашенная церковь, важные гости, жених, сама церемония – всё, вероятно, казалось Ядвиге чужим; рассказывали, что, когда невеста выходила из церкви, она плакала... К счастью, лицо скрывала вуаль, так что это мало кто видел.

Вечером у ратуши были танцы, и танцевать Ядвигу пригласил сам император (который всегда был не прочь потанцевать с молодыми девушками). После этого молодых проводили в роскошно убранные золотыми тканями покои, где они и провели первую брачную ночь. При консуммации брака, согласно тогдашним обычаям, должны были присутствовать свидетели, которыми стали маркграф Баденский, бабушка жениха Маргарита Австрийская и его мать.

Однако это было только началом празднования!

На следующее утро состоялось вручение свадебных подарков. Так, от мужа Ядвига получила роскошное ожерелье в золотом ларце, огромной стоимости. Вручал его не сам Георг, а маркграф Баденский, игравший роль распорядителя церемонии. На этот раз маркграф обратился к Ядвиге на её родном языке. «В знак любви и дружбы!» – сказал он, передавая драгоценный дар. Ядвига ответила ему в подобающих выражениях – её долго готовили к этому дню. Затем свои подарки преподнесли остальные гости. В разгар церемонии произошёл курьёзный эпизод – в зал вошёл император, который не знал о том, что идёт раздача подарков (или же просто не собирался ничего дарить). Тогда он послал своего приближённого за брошью. По словам императора, она стоила тысячу гульденов, но, как отмечалось, окружающие на самом деле знали, что она стоила раза в два меньше... И Фридрих III, и его сын Максимилиан, тоже будущий император, почти всегда нуждались в деньгах.

Далее последовал праздничный обед, причём молодые муж и жена оказались порознь – Георг обедал с императором и его свитой, а Ядвига – со своей свекровью.

После обеда состоялся турнир – надо заметить, что в течение всей праздничной недели турниры проводили едва ли не каждый день, обычно в центральной части старого города, чтобы и невеста, и гости могли с удобством расположиться у окон окружающих площадь зданий и любоваться сражениями. Гости съезжались на свадьбу, намереваясь вдоволь насладиться своим искусством и искусством соперников, поэтому везли всё необходимое – особых лошадей, доспехи, копья и так далее.

Одни побеждали, другие проигрывали, кто-то уходил с турнирного поля сам, кого-то приходилось уносить... Наиболее запомнившаяся всем схватка произошла между герцогом Мюнхенским и неким польским рыцарем. Поляк предложил, чтобы победитель получил в награду дорогое украшение. Ни один, ни другой не доверяли своему сопернику, поэтому тщательно проверили друг у друга всё, от лошадей до доспехов. У поляка под седлом оказался большой кусок кожи. В конце концов, немец бросился к поляку и вышиб его из седла. Зрители были довольны – они, как и участники, устали от этих препирательств. Формально герцог Мюнхенский, конечно, выиграл, но тем не менее отдал приз поляку и подарил ему коня.

Кроме турниров, разумеется, устраивались и танцы. Ядвига Ягеллонка танцевала и с императором, и с графами и герцогами соседних земель. Муж и император после танца с Ядвигой раскланивались и отходили направо, а все остальные гости – налево, и когда один граф из Вюртемберга тоже отошёл направо, то тут же получил строгий выговор от маркграфа Баденского за нарушение этикета.

А ещё на свадьбе пировали. И как! Тут щедрость герцога Баварского проявилась особенно масштабно. Во-первых, никто – ни трактирщики, ни мясники, ни булочники – целую неделю не имели права торговать провизией. Никакой! Всех желающих кормили на герцогских кухнях, где каждый, в буквальном смысле зайдя с улицы, могу получить еду, а на винокурне, где стояли чаны с белым и красным вином, – и вино. А на высоких гостей работали ещё сто сорок шесть поваров, труд которых герцог тоже оплачивал. Масштабы съеденного, если можно так выразиться, поражают: 323 быка, 1133 овцы, 11 500 гусей, 40 000 кур, 194 345 яиц, 336 984 литра вина. Свадьба сына обошлась Людвигу Баварскому в 60 766 гульденов 73 пфеннига и 1 геллер. Для сравнения – 5 пфеннигов стоила курица. Словом, дорого, очень дорого.

Но оно того стоило – все гости, включая императора, остались довольны. Уехал маркграф Баденский, отбыл в конце свадебной недели и император, а остальные ещё какое-то время пировали и наслаждались жизнью. В конце концов, праздники с таким размахом бывают не часто! И не всякий праздник много веков спустя решат воспроизводить вновь и вновь.

Эрцгерцог Максимилиан, будущий император Максимилиан I, и Мария Бургундская

1477 год

Упоминания об этой свадьбе можно найти во многих современных книгах, посвящённых свадебным традициям, – якобы в первый раз в истории бриллиантовое кольцо на обручение преподнёс именно Максимилиан своей Марии. На самом деле всё немного сложнее, да и место в истории их свадьба заслуживает далеко не только поэтому.

Это был, разумеется, династический союз. Но невеста была не только сказочно богата, но очень умна и красива, и жених был не просто будущим императором, а одним из самых привлекательных принцев Европы. Они встретились в первый раз только на свадьбе, но тут же влюбились друг в друга, и этот день стал началом по-настоящему счастливой семейной жизни. Эта сказка, прославленная история любви, могла бы длиться много лет, но быстро оборвалась с ранней смертью Марии, которую Максимилиан так никогда и не забыл. А как всё начиналось?...

Мария Бургундская. Художник М. Пахер

Сын императора Священной Римской империи Фридриха III Габс-бурга, единственный наследник отца, сильный, крепкий и красивый, Максимилиан с самого детства был завидным женихом. Ещё когда ему не было и пяти лет, знаменитый Карл Смелый, герцог Бургундии, стал прочить его себе в зятя. У него подрастала единственная дочь, которой предстояло унаследовать все земли отца, а в качестве невесты Мария Бургундская была ещё более привлекательна, чем Максимилиан в качестве жениха. Претенденты на её руку сменяли один другого, но кому какое дело до прелести юной наследницы, когда на кону богатства Бургундии! Герцоги, маркграфы, принцы... Испанский король сватал её за своего сына, французский Людовик XI сперва за своего младшего брата, а потом, когда на склоне лет у него родился сын, – за него. Но если бы Мария вышла замуж за французского принца, то впоследствии все земли Бургундии отошли бы французской короне, и все усилия, которые прилагал отец Марии, чтобы сохранить своему герцогству независимость и не дать соседке Франции поглотить его, сошли бы на нет. Так что Максимилиан, который должен был унаследовать корону отца, представлялся Карлу Смелому самой подходящей кандидатурой.

Юные жених и невеста обменялись миниатюрными портретами. Художникам не пришлось приукрашивать их внешность, как зачастую делалось в подобных ситуациях. У Максимилиана знаменитые фамильные габсбургские нос и подбородок ещё не уродовали лицо, как у его выродившихся потомков, а, наоборот, украшали. Орлиный профиль, слегка вьющиеся светлые волосы... Восхищённая портретом жениха, юная герцогиня часто рассматривала его. Марию же впоследствии Максимилиан описал в одном письме так: «У неё белоснежная кожа, она шатенка, а глаза серые, красивые и сияющие... Рот расположен довольно высоко, но он чист и ярок». Словом, это была прелестная пара!

Однако всё внезапно осложнила гибель отца Марии, Карла Смелого. Девятилетней девушке самой пришлось бороться за право выйти замуж за своего принца – и с теми, кто сам желал сделать её своей супругой, и со своими подданными. Ей нужен был супруг, на крепкую руку которого юная правительница могла бы опереться, и она хотела, чтобы это был именно Максимилиан... Когда Мария подписала «Великую привилегию» (документ, восстанавливающий местные привилегии и полномочия Нидерландов, некогда отменённые бургундскими герцогами), она оказалась в такой зависимости от своего окружения, что ей пришлось тайно написать Максимилиану письмо, в котором она умоляла его приехать как можно скорее.

Наконец, Фридрих III официально одобрил этот союз (чего так и не сделал при жизни отца Марии), и посланники императора отправились к бургундскому двору. Счастливая Мария получила подтверждение того, что союз, которого она желала, как принято говорить, всем сердцем, реален. Послы, кольцо, письмо...

21 апреля 1477 года состоялась свадьба по доверенности. Жениха представлял герцог Людвиг Баварский – представительный мужчина, облачённый в посеребрённые доспехи. Мария и Людвиг взошли на брачное ложе, и между ними положили меч – символ той защиты, которую в своё время Максимилиан предоставит Марии. Эту церемонию повторили ещё раз, в Генте – тамошние горожане, узнав о празднике в Брюгге, тоже захотели посмотреть на такое торжество.

А жених тем временем собирался в путь. Конечно, он мог бы выехать сразу, но его отец полагал, что сын императора должен отправиться к невесте соответствующим образом – во всём блеске. Увы, именно в этом и была проблема – денег у Габсбургов не было, так что пришлось прибегнуть к очередному займу.

21 мая 1477 года, равно через месяц после свадьбы по доверенности, эрцгерцог наконец двинулся в путь. Не очень скромный, скажем откровенно, молодой герой велел записывать все подробности своего путешествия, смело преувеличивая малейшие трудности, – получилась целая книга, в которой «Многоблагодарный» рыцарь преодолевал множество препятствий на пути к своей возлюбленной. На самом же деле препятствий (в частности, в виде стихийных бедствий) было не так уж и много – это был конец весны и начало лета, – а в городах, которые проезжал Максимилиан со своей свитой, их радостно приветствовали и устраивали праздники.

Правда, вскоре Максимилиан столкнулся с реальной проблемой – деньги, которые он взял в дорогу, подошли к концу, и он просто-напросто застрял в Кёльне, не имея возможности ни расплатиться за проведённые им торжества, ни двинуться дальше. Его выручила мачеха Марии, Маргарита Йоркская, с которой у Марии с самого приезда Маргариты из Англии в Бургундию сложились очень тёплые отношения. Она послала жениху крупную сумму денег, и тот смог продолжить путь.

Когда Максимилиан ступил на земли Бургундии, его свита увеличилась – к ней теперь присоединялись и бургундцы. В Маастрихте, Брюсселе, Брабанте и других городах будущего супруга своей герцогини горожане встречали с огромным пылом, но никакой праздник

не мог сравниться с тем, который ожидал его по приезде в Гент – именно там Мария должна была его встретить.

В середине августа Максимилиан, восемнадцатилетний красавец принц в золочёных доспехах, въехал в разукрашенный к его прибытию Гент. Триумфальные арки, торжественные процессии с представителями церкви, аристократов, городских властей и ремесленных гильдий... Но всё это, надо полагать, затмила долгожданная встреча с самой герцогиней.

Когда они встретились, то поначалу молча смотрели друг на друга, и, наконец, хозяйка страны Мария Бургундская двинулась к жениху навстречу со словами приветствия и поцеловала его. А Максимилиан ответил на поцелуй – сказка началась!

Языковой барьер, увы, пока что не давал им возможности общаться полноценно, но так ли это важно, когда жених и невеста так долго ждали встречи, а теперь могут объясниться улыбками, взглядами, жестами, да и, наконец, поцелуями?

Вечером всех ожидал роскошный банкет, который организовала для любимой падчерицы и её жениха Маргарита Йоркская. На этом празднике Мария и Максимилиан обменялись подарками – от своего отца эрцгерцог привёз великолепные украшения с бриллиантами, среди которых было и пресловутое обручальное бриллиантовое кольцо, а вот подарок Марии был ещё более драгоценным, чем эти камни. Где-то у себя на теле она спрятала цветок и предложила жениху его найти...

Архиепископ Трирский тихо подсказал Максимилиану, где искать, и тот расстегнул на невесте корсаж – там, на груди герцогини, была спрятана розовая гвоздика, символ супружеской любви... После пира молодые ускользнули – как рассказывали, к священнику, чтобы тот благословил их союз и можно было не откладывать брачную ночь до завтра, до официальных церемоний. Что ж, они и так долго ждали друг друга!

Сама свадьба была относительно скромной – ведь за полгода до того невеста потеряла отца, однако горожане Гента всё равно собрались, чтобы порадоваться за свою правительницу и поздравить её. По разным источникам, церемония состоялась то ли 16, то ли 18 августа и то ли утром, то ли после полудня. Невеста была в платье из золотой парчи, в горностаевой мантии и с короной герцогства Бургундского на голове, жених сменил доспехи и был на этот раз в серебряных. Солнце и луна!

Службу в главном соборе проводил папский легат Юлиан Остийский, а прислуживал ему епископ Турнэ. Молодые обменялись кольцами и дали друг другу обеты в вечной верности. Время покажет, что они их сдержали... После этого Максимилиан передал Марии тринадцать золотых монет – символ того, что он будет обеспечивать её (хотя в действительности, конечно, это богатая герцогиня Бургундская будет купать в роскоши своего немецкого принца).

После венчания начался пир, и хотя ему было далеко до тех торжеств, что за девять лет до того отец Марии, великий герцог Бургундии, задавал в честь своего брака с английской принцессой Маргаритой, взаимной нежностью жениха и невесты (если только любовь можно измерить) свадьба Марии и Максимилиана превосходила и ту, и множество других свадеб европейских правителей. Настоящая любовь встречается, если речь идёт о династических браках, так редко...

После пира молодожёнов проводили в их покои, и, как деликатно выразился летописец из Саксонии, один из членов свиты Максимилиана, двери за ними закрылись, а что было дальше – то ему неизвестно.

И отлично. На счастье этой паре было отведено всего пять лет – не будем им мешать...

Джан Галеаццо Сфорца и Изабелла Арагонская

1489 год

Джан Галеаццо, сыну герцога Миланского, было всего семь лет, когда его отца убили и мальчику довелось занять его трон. О, разумеется, он правил не сам – его дядя Лодовико Сфорца стал фактическим правителем Милана, хотя племяннику воздавались все положенные почести. Не изменилась ситуация и когда Джан Галеаццо вырос – Лодовико продолжал править, а юный герцог развлекался, благо богатый миланский двор предоставлял для этого самые разные возможности (хотя, если честно, больше всего молодой человек любил охоту и пиры). Один из хронистов так отзывался о нём: «Красив, но очень недалёк». Рассказывали о слабом здоровье Джан Галеаццо, о его неспособности к учению и управлению страной... Возможно, из него действительно не получилось бы хорошего правителя, а возможно, дяде просто было выгодно держать племянника подальше от государственных дел. Как бы там ни было, формально именно Джан Галеаццо был герцогом, а, значит, его свадьба должна была быть отпразднована должным образом. И праздник, устроенный по этому поводу, стал, как считают исследователи, началом самого блестящего, самого великолепного, самого яркого периода в истории Миланского герцогства эпохи Ренессанса.

Портрет Джан Галеаццо в образе Св. Себастьяна. Художник А. де Предис

Ещё в 1480 году, когда Джан Галеаццо было одиннадцать лет, а Изабелле Арагонской, внучке неаполитанского короля, десять, было принято решение об их будущем союзе. По материнской линии Изабелла приходилась внучкой основателю династии Сфорца, знаменитому кондотьеру Франческо, и была, соответственно, троюродной сестрой своего жениха. И вот восемь лет спустя, в ноябре 1488 года, младший брат Джан Галеаццо, Эрмес, отправился в Неаполь, чтобы привезти невесту. Его свита была огромной (450 человек!) и роскошной – разодетые в парчу, усыпанные драгоценностями миланцы торжественно въехали в столицу короля Фердинанда I. Правда, в конце лета скончалась мать невесты, Ипполита Мария Сфорца, поэтому неаполитанский двор всё ещё пребывал в трауре, так что праздник в честь их приезда был коротким.

Вскоре миланцы, забрав с собой Изабеллу, отправились в обратный путь. Была зима, путешествие оказалось нелёгким; правда, его скрашивали пышные приёмы, которые устраивали невесте миланского герцога города, через которые они проезжали. И вот в Тортоне Изабеллу Арагонскую встретили оба герцога – и её будущий супруг, герцог Миланский, и его дядя Лодовико, герцог Бери. Невеста хотела было, как это принято у неё на родине, поце-

ловать руку жениху, а тот вместо этого удержал её и пылко поцеловал в губы – хорошее начало! Там же, в Торторне, в честь прибытия Изабеллы был устроен великолепный пир, каждую перемену блюд на котором подавал какой-нибудь мифологический персонаж. Так, Язон появился с бараном с золотым руном, Аполлон принёс телёнка, украденного из стад Адмета; Диана подала Актеона в виде оленя (сказав при этом, что чрево такой невесты – самое лучшее место, где тот мог бы упокоиться), Аталанта – дикого каледонского вепря, Ирида принесла павлина из колесницы Юноны, а Орфей – птиц, которых зачаровал своей музыкой. Вина наливали Геба, Вертумн и Помона подавали яблоки и виноград, Фетида и её наяды – рыбу, а аркадские пастухи в венках из плюща – кувшины с молоком и мёдом.

После праздника оба герцога вернулись в Милан, и туда же со своей свитой, но по водному каналу, на шести разукрашенных баржах, отправилась Изабелла Арагонская. И вновь дядя и племянник встречали её, на сей раз на миланском причале. Милан тоже, разумеется, принарядился к грядущей свадьбе. Двор герцогского замка был убран голубой тканью, плющом и лавром, а портик замка – красно-золотыми драпировками. Там навстречу Изабелле вышла сестра Джан Галеаццо, Бьянка Мария, которая проводила свою новую родственницу в отведённые ей роскошные покои.

В своей книге, посвящённой династии Сфорца, Л.Коллинсон-Морлей приводит письмо, написанное правителю Флоренции Лоренцо Медичи свидетелем этой свадьбы, состоявшейся 2 февраля 1489 года: «Прежде всего двор и вся знать собрались в замке, затем в пятнадцатом часу господин герцог и сеньор мессир Лодовико, и все остальные бароны и дворяне сопроводили мадонну герцогиню из её комнаты, и все они вскочили на коней и попарно выехали из замка. У последних ворот был устроен навес из белой дамастной ткани, который вынесли сорок служителей церкви, в одеяниях из алого атласа и таких же головных уборах. Господин герцог и его невеста вошли под указанный навес и, таким образом, вместе вошли в собор. По их прибытии под пение герцогского хора епископ Пьяченцы отслужил мессу. Когда месса закончилась, епископ Сансеверино произнёс великолепную речь в честь новобрачных. Затем господин герцог передал кольцо своей даме. <...> Затем все собравшиеся вновь оседлали коней и возвратились в замок среди всеобщего ликования. Согласно подсчётам одного из присутствовавших, в процессии участвовало пятьсот всадников. Было насчитано тридцать шесть священников и монахов, двигавшихся впереди всей процессии до самого собора; шестьдесят рыцарей, все в одеждах из золотой парчи и с золотыми цепочками; пятьдесят женщин, из которых двадцать восемь в одеждах из золотой парчи, с жемчугами, драгоценностями и цепочками; шестьдесят два трубача, двенадцать флейтистов. От собора до замка 1700 шагов, и всю дорогу устлали белой тканью, и стены по обеим сторонам были увешаны гобеленами и гирляндами из можжевельника и апельсиновых деревьев; никогда не видел ничего лучше. Более того, все окна и двери были богато украшены, а чтобы сдерживать толпу, в переулках, прилегающих к главным улицам, были установлены барьеры и на каждом углу стояли по десять или двенадцать гвардейцев. На пьядца дель Дуомо выстроились две тысячи всадников и конных арбалетчиков. Не было никаких беспорядков, что вызывает немалое удивление, учитывая великое и неисчислимое множество людей, проживающих в этом городе.<...> Сиятельный герцог был облачён в богатейшую парчу. Его головной убор был украшен алмазом и крупнейшей по цене большой жемчужиной, превосходящей размером орех. На шее у него висела подвеска с прозрачным рубином и бриллиантом дивной красоты. Её милость мадонна герцогиня также была одета в золотую парчу, а голову её украшал жемчуг с прекрасными драгоценными камнями. Многие из женщин были одеты очень богато.<...> Сеньор Лодовико, и сеньор Галеаццо, и сеньор Ридольфо, и все остальные Сфорца также были одеты в золотую парчу, и все присутствовавшие соглашались в том, что имевшегося там золота и серебра хватило бы на то, чтобы одеть сотню людей. О бархате и атласе я умалчиваю, так как в них были одеты даже повара».

Придворный поэт Бернардо Беллинчони сочинил по случаю свадьбы представление в стихах, декорации к которому создавал сам Леонардо да Винчи. Перед зрителями появились небесная сфера и семь планет, представленных семьёю актёрами, и каждый из них по очереди возносил хвалу новой герцогине.

Говорят, однако, что робкому молодому герцогу не сразу удалось осуществить свои супружеские права, и дядя постарался, чтобы эта новость разошлась как можно более широко. Но впоследствии всё наладилось, и у них родилось трое детей.

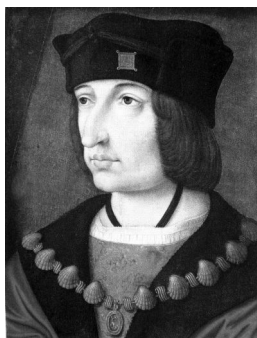
На совместную жизнь Джан Галеаццо и Изабелле было отведено всего несколько лет – герцога не станет, когда ему будет всего двадцать пять. И разумеется, будут ходить слухи, что к его смерти приложил руку дядя... Что вы хотите – Ренессанс! Необыкновенно яркие, но порой столь же необыкновенно жестокие страницы истории.

Карл VIII и Анна Бретонская

1491 год

Как вступают в брак наследницы богатых земель? Длительные переговоры с претендентами на её руку, не менее длительные обсуждения каждого пункта брачного контракта, подготовка к пышному торжеству... Словом, могут пройти месяцы, а порой и годы, пока, наконец, свадьба не состоится. Однако исключения бывают, и «бретонское похищение невесты» — одно из самых известных в истории.

Анна, дочь герцога Бретани Франциска II, была единственной наследницей, и в одиннадцать лет, после смерти отца, стала правительницей этого богатого герцогства. Разумеется, юной герцогине, чтобы защитить свои земли от Франции, которая мечтала о присоединении Бретани, был нужен сильный и надёжный супруг. Список кандидатов был не самым коротким, и в результате выбор пал на Максимилиана Габсбурга, немецкого короля и будущего императора Священной Римской империи. Несколько лет назад он потерял любимую супругу Марию Бургундскую (тоже, заметим, ставшую наследницей очень богатых земель после смерти отца), а теперь собирался вновь вступить в брак. Его маленькая дочь, Маргарита Австрийская, была обручена с дофином Карлом, вскоре ставшим королём Франции Карлом VIII.

Карл VIII. *Неизвестный художник*

Итак, 1490 год. Десятилетняя Маргарита, помолвленная с Карлом, и тринадцатилетняя Анна, которая собирается выйти (вернее, её собираются выдать) за Максимилиана, две юные невесты. Точная дата свадьбы первой пары ещё не была назначена, а что касается второй, то в декабре этого же года в городе Ренн был заключён брак по доверенности между Анной Бретонской и Максимилианом. Но вскоре всё изменилось. Карл VIII счёл, что богатая бретонская наследница куда важнее для Франции, и вознамерился отнять невесту, вернее, теперь уж фактически жену своего будущего тестя. Поскольку между Бретанью и Францией был в своё время заключён договор о том, что супруга Анне выберут только с разрешения французского короля, а никто у Карла санкции на брак с Максимилианом не просил, то Карл посчитал себя вправе действовать резко.

Анна Бретонская со Св. Анной, Св. Урсулой и Св. Еленой. Художник Ж. Бурдишон

В апреле 1491 года французские войска вторглись в Бретань и захватили её столицу Нант, а второй крупный город, Ренн, подвергся длительной осаде и, в конце концов, сдался. Анну тоже сдали на милость победителя... Да, она уже была замужем за Максимилианом, но они ещё ни разу не виделись, не было второго, «настоящего» венчания, брак не был consummated, и к тому же он был заключён без его согласия. Значит, полагал Карл, всё можно переиграть. И переиграл.

Итак, вот только что Анна Бретонская находилась в своей собственной стране и ожидала встречи со своим мужем Максимилианом, и вдруг внезапно все узнают, что её перевезли во французский замок Ланже, где она стала супругой Карла VIII!

Ещё до свадьбы Анне пришлось подписать договор, согласно которому в случае её смерти все земли, которыми она владела, переходили Франции, а в случае смерти Карла до того, как она родит ему наследника мужского пола, Анна была обязана выйти замуж за следующего французского короля (так, заметим, и произойдёт, Анна будет впоследствии женой короля Людовика XII и выйдет замуж в белоснежном платье, став провозвестником традиции, которая установится более трёх веков спустя). Так или иначе, но Бретань доставалась Франции. Но что Анна, и так приносившая себя в жертву своей стране, могла поделаться? Разве что, как гласит исторический анекдот, который часто упоминают, якобы взять с собой в замок Ланже, куда её повезли из Ренна, две кровати, намекая на то, что не собирается делить ложе с Карлом. Даже если это и правда, то забегая вперёд, скажем – пришлось. Да и как иначе?

6 декабря 1491 года на верхнем этаже замка состоялась свадьба – облачённая в наряд из золотой парчи, отделанный собольим мехом, четырнадцатилетняя герцогиня Бретонская венчалась с французским королём, который фактически вынудил её это сделать. В одном из залов этого замка в наши дни можно увидеть композицию из восковых фигур – перед двумя епископами стоят жених и невеста. Справа – Анна в роскошном одеянии, за ней придворные дамы, слева Карл, за которым стоят его старшая сестра Анна де Божё и её супруг. А после венчания Карл сделал то, что Максимилиан сделать не успел, – поспешил как можно быстрее consummate брак, что и было сделано в присутствии свидетелей.

Дороги обратно не было – Анна Бретонская стала королевой Франции. Впоследствии супруги даже сблизятся, но простила ли Анна Карлу то, что некогда он так резко изменил её судьбу, мы никогда не узнаем...

Великий князь Василий III и Соломония Юрьевна Сабурова

4 сентября 1505 года

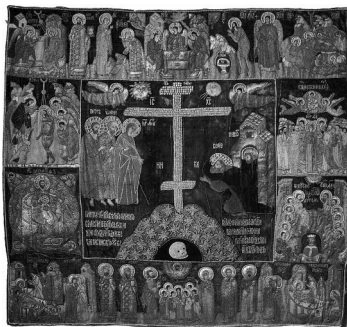
Почти все русские цари в допетровскую эпоху женились «византийским» способом, через смотрины, на которые свозили знатных красавиц невест, и лишь несколько случаев было, когда женились как западные монархи – ради политических соображений. Итальянский летописец Павел Иовий объяснял эту удивительную для западного человека традицию давним обычаем: «Московские государи, желая вступить в брак, повелевают избрать из всего царства девиц, отличающихся красотой и добродетелью, и представить их ко двору. Здесь поручают их освидетельствовать надежным сановникам и верным боярыням, так что самые сокровенные части тела не остаются без подробного рассмотрения. Наконец, после долгого и мучительного ожидания родителей, та, которая понравится царю, объявляется достойною брачного с ним соединения. Прочие же соперницы ее по красоте, стыдливости и скромности нередко в тот же самый день по милости царя обручаются с боярами и военными сановниками. Таким образом московские государи, презирая знаменитые царские роды, подобно оттоманским султанам, возводят на брачное ложе девиц большею частью низкого и незнатного происхождения, но отличающихся телесною красотой».

Русский историк Иван Забелин в книге «Домашний быт русских цариц» писал: «С порядком предварительного выбора по разным местностям нас знакомят отчасти самые грамоты, которые в это время рассылались ко всем помещикам или служилым людям. Из них мы узнаем, что в областные и другие города посылали доверенных людей из окольных или из дворян с дьяками, которые заодно с местною властью, с наместником или воеводой, должны были пересмотреть всех девиц назначенного округа. Между тем по всему округу, во все поместья пересылалась государева грамота с наказом везти дочерей в город для смотра. Помещики собирались с невестами – затем избранных везли уже в Москву. Для многих, вероятно, по бедности, этот местный съезд был делом не совсем легким, и потому иные не слишком торопились исполнить царский наказ...»

Обычно смотрели не более нескольких сотен невест...

Но когда двадцатилетний великий князь Московский Василий III решил жениться, невесту ему выбирали из полутора тысяч претенденток!

Его смотрины были самыми длительными и трудоемкими, по сравнению со всеми его предшественниками.

Пелена «Явление Богоматери св. Сергию и праздники». 1525 г. Вклад великого князя Василия III и великой княгини Соломонии

Правда, в мемуарах посланника Франциска да Колло упоминается цифра – пятьсот: «Великий князь Василий, вздумав жениться (это было еще при его отце), обнародовал во всем государстве, чтобы для него выбрали самых прекраснейших девиц, знатных и незнатных, без всякого различия. Привезли их в Москву более пятисот, из них выбрали 300, из трехсот 200, после 100, наконец, только десять, осмотренных повивальными бабками; из сих десяти Василий избрал себе невесту и женился на ней...»

Но Иван Забелин поясняет: «Противоречие сказаний Герберштейна и Франциска да Колло о 1500 и 500 девицах весьма согласимо с истиной, ибо цифра 1500 могла обозначать все число девиц-невест, которые были написаны в выбор соответственно тем качествам, какие требовались для государевой невесты».

Так или иначе, но соперничество было серьезным, и победительницей вышла пятнадцатилетняя девица Соломония, дочь боярина Юрия Ивановича Сабурова: из-за своей необыкновенной внешней красоты и великих душевных достоинств, которые привлекли к ней великого князя.

Василий и Соломония торжественно обвенчались 4 сентября 1505 года.

Историк Михаил Забылин в книге «Русский народ. Старинный быт» описывал царскую свадьбу: «Сначала царица шла в Грановитую палату; ей предшествовал священник и кропил святою водою место, где ей должно было садиться. Там клали сорок соболей, которые были подняты, когда она садилась. Можно полагать, что это был мех, сшитый из сорока соболей. Возле невесты непременно садился кто-нибудь из знатных князей. Когда все это было устроено, посылали сказать царю. Царь отправлял, прежде всего, нареченного отца: тот, вошедши в царицыну палату, кланялся на все стороны, ударял челом будущей государыне и садился на большом месте возле жены своей, если она была здесь. Посидев немного, этот нареченный отец посылал к царю одного боярина с речью: “Государь Царь и великий князь всея Руси! Боярин (такой-то) велел говорить: прося у Бога милости, время тебе, государю, идти к своему делу!” Государь вставал, принимал благословение митрополита и со всем своим поездом шел в Грановитую палату, впереди его шли две духовные особы: благословенский протопоп с крестом и крестовый недельный священник. Священники кропили водою путь, тысяцкий вел царя под руку, за ними следовали стольник и стряпчие. Прибывши в палату и благословившись, царь подходил к своему месту; большой дружок поднимал посаженое близ невесты лицо, а царь садился на его место близ будущей жены. В царских свадьбах венчание происходило после обеда. Как и жених, так и невеста ничего не ели в тот день. В царских свадьбах государя кормили перед сенником в сенях, а царицу, по старинному обычаю, в самом сеннике. Во время кормления новобрачных муж подавал гостям вино, и все пили с поздравлениями. Потом новобрачных укладывали в постель, а гости продолжали веселиться. Музыки не было: только трубили в сурны, били в бубны и накромы. На другой день новобрачных вели с песнями под звуки сурны и литавр в отдельные мыльни. В мыльнях их поили вином, также мыли вином и медом. Царские свадебные обряды продолжались несколько дней. Все подносили царю дары. Зато и царь в эти светлые, радостные в его жизни дни имел право и возможность щедро вознаграждать всех. Он несколько дней щедро кормил духовенство на дворе, раздавал деньги, рассылал в далекие города молебные грамоты, ездил с молодою царицею на богомолье в монастыри».

Все считали, что Василий любит и чтит Соломонию даже больше, чем положено любить и чтить жену. Но трагедией их брака стало отсутствие детей. Причем Василий запре-

щал своим младшим братьям жениться, не желая, чтобы у его будущих сыновей были соперники в лице двоюродных братьев...

В 1525 году великий князь московский Василий III приглядел себе новую невесту – юную красавицу Елену Глинскую. И решил развестись с Соломонией. Надо отметить, что осуждали его как в народе, так и представители церкви. Протестовавшие против развода преподобный Максим Грек, Вассиан Патрикеев и митрополит Варлаам были сосланы, причем митрополит еще и лишен сана.

Соломонию отвезли в Московский Богородице-Рождественский монастырь и насильно постригли под именем Софьи. Она сопротивлялась пострижению, так что кто-то из присутствующих бояр ударил ее со словами: «Смеешь ли ты противиться воле государя?» Только тогда Соломония надела иноческую ризу, сказав: «Бог отомстит моему гонителю!»

Через некоторое время прошел слух, будто Соломония была беременна во время пострижения и будто бы она родила в монастыре сына. Василий послал в монастырь нескольких доверенных боярынь, чтобы они осмотрели его бывшую жену. Несчастливая женщина пыталась укрыться у алтаря, но ее насильно вытащили из храма и подвергли осмотру. Боярыни решили, что она никогда не была «непраздна» (беременна), однако Соломония утверждала, что родила сына Георгия и укрывала его у надежных людей.

Посланник Герберштейн писал: «Во время нашего тогдашнего пребывания в Московии некоторые клятвенно утверждали, что Саломея родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней были присланы некие лица для расследования истины, она, говорят, ответила им, что они недостойны видеть ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали, что она родила. Итак, молва гласит об этом происшествии двояко».

Популярность Соломонии Сабуровой в народе была так высока, что при жизни ее считали мученицей, а когда Соломония скончалась, ей поклонялись как святой.

Знаменитого разбойника Кудеяра считали тем самым ее сыном, тайно рожденным в монастыре.

Елена Глинская родила Василию III двоих сыновей: Ивана и Юрия. Иван вошел в историю под прозвищем Грозный и приобрел славу самого кровожадного из русских правителей. Некоторые историки утверждают, что его рождение было предсказано, будто патриарх Иерусалимский Марк сказал Василию III: «Если женишься вторично, то будешь иметь злое чадо: царство твое наполнится ужасом и печалью, кровь польется рекою, падут главы вельмож, грады запылают». Впрочем, возможно, это всего лишь впечатляющая легенда.

Генрих VIII и Екатерина Арагонская

1509 год

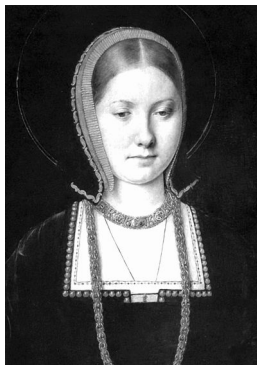
Личная трагедия с точки зрения истории вполне может выглядеть фарсом, чему пример – личная жизнь короля Англии Генриха VIII. Шесть жён! С первой и четвёртой он развёлся, вторую и пятую казнили, третья умерла сразу после родов, а шестая, наконец, его пережила. А ведь всё начиналось так... красиво!

Генрих VIII. Художник Г. Гольбейн

Обычная свадьба касается только жениха и невесты, свадьба же монарха или его наследника – целой страны. Тем не менее когда-то королевские свадьбы в Англии праздновались в относительно узком кругу приближённых. Однако с тех пор, как принц Артур в 1501 году женился на испанской принцессе Екатерине Арагонской, свадьбы английских королей и королев превратились в пышные празднества, которые, мало чем уступая по размаху церемониям коронации, позволяли в очередной раз продемонстрировать величие монархии. Почему мы начинаем со свадьбы Артура, старшего брата Генриха? Потому что именно тогда будущий король познакомился со своей будущей женой. Первой женой.

А тогда, в 1501 году, дочь знаменитых «католических супругов», испанских монархов Фердинанда и Изабеллы, принцесса Екатерина Арагонская, прибыла в Англию, чтобы выйти замуж за Артура, принца Уэльского, старшего сына короля Генриха VII Тюдора. Принцессе было шестнадцать, принцу – пятнадцать, а его младшему брату Генриху – всего десять. Но маленьким назвать герцога Йоркского – титул, который Генрих тогда носил, – язык просто не повернётся. Он отлично справился с возложенными на него почётными обязанностями – во главе английской свиты встретить принцессу и её испанскую свиту, сопровождать их в поездке по стране и даже проводить невесту в собор Святого Павла, на венчание. Более того, на свадебных торжествах, длившихся десять дней, он проявил себя во всём блеске. С самых ранних лет Генрих обожал быть в центре внимания, и свадьба брата дала ему такую возможность – он так танцевал в паре со своей старшей сестрой Маргаритой, что вызвал всеобщий восторг. Его попросили станцевать ещё, и тогда Генрих – неслыханная вольность по тем временам – сбросил своё тяжёлое верхнее одеяние из парчи и станцевал с ещё большим жаром. Скорее всего, среди восторженных зрителей была и сама принцесса Екатерина, однако ни она, ни сам Генрих тогда не знали, что пройдёт всего несколько месяцев, Артур умрёт, и наследником станет Генрих. Екатерина, овдовев, останется в Англии, и положение её будет более чем шатко. Однако...

Екатерина Арагонская. Художник М. Зиттов

В 1503 году было подписано новое соглашение – о браке между Генрихом и Екатериной. Пора было искать невесту будущему королю, а брат его скончался, так и не успев, как считалось, осуществить свои супружеские права. Вот она, испанская принцесса, совсем рядом, и пусть она старше на пять с половиной лет – ведь это не так уж и много? И через несколько дней юная пара обручилась. Однако ждать им пришлось долго – отец невесты, король Фердинанд Арагонский, не спешил пересылать обещанное приданое, так что отец жениха, король Генрих VII, тоже не спешил и всё откладывал венчание. Он начал рассматривать и другие кандидатуры в свои будущие невестки, но изменить ничего не успел.

В апреле 1509 года Генрих VII скончался, и королём стал семнадцатилетний Генрих VIII. Испанский посол полагал, что принцессе, несмотря ни на что, всё-таки придётся вернуться в Испанию ни с чем, и уже даже начал переправлять её немногочисленные на тот момент пожитки, как внезапно получил сообщение от молодого короля – тот желает, чтобы все вопросы, касающиеся его свадьбы с принцессой Екатериной, были как можно скорее улажены. И 11 июня в часовне Гринвичского дворца состоялось скромное частное венчание. Зато через восемнадцать дней состоялась коронация Генриха и Екатерины, она-то и стала настоящим празднованием нового союза.

Хронист писал: «Если бы мне пришлось перечислять, сколько усилий, трудов, стараний пришлось приложить портным, вышивальщикам и ювелирам, чтобы создать наряды лордам, леди, рыцарям и сквайрам, а также приготовить убранство для лошадей, то это заняло бы слишком много времени. Но уж точно можно сказать, что никогда не делали ничего столь роскошного, чудесного, удивительного, как для этой коронации».

23 июня Генрих и Екатерина проследовали по разукрашенным улицам Лондона в Вестминстерский дворец, а на следующий день из дворца – в аббатство: «Верхнее платье его милости было из кармазинного бархата с отделкой из горностая; мантия была из тиснёной золотой парчи, расшитая бриллиантами, рубинами, изумрудами, крупным жемчугом и другими дорогими камнями; попона его коня была из золотой парчи, с широкой каймой из горностая. Его королева ехала в паланкине, который несли две белые лошади, украшенные в золотую парчу. Сама она была облачена в белый расшитый атлас, её длинные волосы были распущены и ниспадали с плеч, что было очень красиво, а на голове была корона, украшенная дорогими камнями с Востока».

После церемонии был пир, «какого не знавали и цезари», а затем последовала длинная череда праздников – всевозможные турниры, представления, танцы, торжественные обеды. Казалось, Генрих намеревался всю жизнь превратить в праздник, и на время это ему даже удалось.

Кто тогда думал, что это была только первая его свадьба из шести, а этот брак когда-нибудь закончится громким разводом с самыми серьёзными последствиями для целой страны?...

Шотландский король Иаков V и Мадлен Французская

1537 год

Она была почти сказочной принцессой, юной, красивой королевской дочкой. И как в сказке, к ней посватался... нет, даже не принц – король из другой страны. Они обвенчались, отпраздновали великолепную свадьбу и могли бы быть счастливы. Однако, как положено в сказке, в семнадцать лет принцесса заснула – правда, в отличие от сказки, навсегда.

Мадлен, дочь короля Франции Франциска I, была обаятельна, умна, и, конечно же, как положено сказочным принцессам, хороша собой. Есть легенда, что однажды, когда шотландский король Иаков V навестил Францию, он, будучи на прогулке, увидел прекрасную обнажённую купальщицу, влюбился в неё, а она оказалась французской принцессой, после чего он, разумеется, немедленно попросил её руки. На самом деле всё, конечно, было сложнее, прозаичнее и заняло к тому же немало времени. Шотландский король очень хотел взять в жёны дочь короля Франции, король отговаривался, предлагал ему другую даму, Иаков поначалу согласился, затем передумал... В конце концов, Франциск всё-таки дал согласие на брак, и шотландцу разрешили выбрать себе невесту из двух французских принцесс. И он выбрал Мадлен.

Иаков по-настоящему влюбился. Влюбилась и она – почему бы и нет? Молодой, всего шестью годами старше шестнадцатилетней принцессы, привлекательный король. Это мог бы быть счастливейший брак, если бы не приданое Мадлен. Помимо положения дочери короля Франции и ста тысяч золотых у неё была... чахотка. Это не было ещё окончательным приговором. В конце концов, её мать успела выйти замуж и даже подарить супругу семерых детей, так что и для принцессы Мадлен ещё не все дороги были закрыты. Правда, именно дорога в Шотландию, страну с суровым климатом, могла погубить Мадлен, как полагали доктора. Но это не останавливало принцессу. Она выйдет замуж за шотландского короля, даже если это укоротит ей жизнь: «По меньшей мере, я буду королевой столько, сколько проживу, а именно этого я всегда желала».

Иаков V Шотландский. Художник К. де Лион

26 ноября 1536 года в Блуа был подписан брачный контракт, а тем же вечером состоялось и обручение, при котором присутствовали только члены французской королевской семьи, шотландская сторона и несколько иностранных послов. Иаков подарил Мадлен кольцо с огромным, очень дорогим бриллиантом. Сразу после этого они с невестой расстались, и Иаков уехал в аббатство Клуни, в поисках короткой передышки после сложных переговоров, а король Франциск тем временем готовил и торжественный въезд будущего зятя в Париж, и роскошную свадьбу.

31 декабря король Шотландии в роскошном ало-золотом наряде, во главе своей свиты, официально въехал в Париж, где его встретила торжественная процессия, и по разукрашенным улицам, бок о бок с будущим тестем, королём Франциском, они отправились сперва в собор Нотр-Дам на мессу, а затем на банкет. А на следующий день, 1 января 1537 года, всё в том же соборе Нотр-Дам прошло венчание.

В десять утра Франциск I рука об руку с дочерью появился у помоста под золотым балдахином, выстроенным у входа в собор. Кардинал де Бурбон (к слову, дядя Марии, девицы, которую предлагали поначалу Иакову вместо принцессы Мадлен) обвенчал молодых, а затем они прошли в собор, чтобы прослушать мессу.

На свадебном обеде Иаков, желая блеснуть перед французами и доказать, что свою принцессу они отдали не какому-нибудь бедному королю маленькой страны, велел подать особый десерт, «плоды его родины». Когда гости приподняли крышки с чаш, в них оказалось золото в виде песка и слитков. Пусть французы не считают Шотландию «варварской»!

Вечером состоялся ещё один банкет, с танцами и представлениями, а начиная со следующего дня и в течение двух недель во дворе Лувра устраивались турниры. Иаков смог проявить себя на них во всём блеске, будучи хорошим воином. Говорили, что даже в день свадьбы лицо у жениха было всё в синяках – результат очередного турнира, а кроме того, ему пришлось оплатить счёт за сто десять сломанных турнирных копий. Словом, развлечения были рыцарскими в буквальном смысле этого слова, и, как написал один из современников, эти великолепные турниры напоминали о великих временах Карла Великого.

Разумеется, публику развлекали не только турнирами, но и фейерверками, танцами, пальбой из пушек, банкетами – отплыть в Шотландию зимой было невозможно, так что приходилось ждать весны, и всё это время устраивали очередной праздник.

В мае молодожёны наконец пустились в путь. Правда, едва только это произошло, у Мадлен началась тяжёлая лихорадка; к счастью, она вскоре поправилась. После тяжёлого путешествия по морю они наконец высадились на шотландском берегу 19 мая. И юная королева, преклонив колена, поцеловала землю своей новой родины, до которой ей всё-таки суждено было добраться. Шотландцы, и знатные, и простые, ликовали – им досталась такая очаровательная властительница! Только бы она была здорова! Но, увы, никакие, даже самые горячие, пожелания, не могли прибавить Мадлен здоровья. Шли приготовления к коронации, фонтаны должны были наполнить вином, сшить одежду для участников свадебной процессии, и наряд для самой королевы – роскошный, с длинным шлейфом, отделанный жемчугами и вышитый золотом...

7 июля Мадлен не стало. Французская принцесса, шотландская королева, она умерла на руках у своего короля. А мы никогда не узнаем, какой королевой стала бы Мадлен. Она навечно осталась юной принцессой. Её сказка оказалась короткой, но, по меньшей мере, она была.

Филипп Испанский и Мария Кровавая

1554 год

Когда старшая дочь Генриха VIII, английская королева Мария I, собралась вступить в брак, вопрос об обручальном кольце обсуждали на заседаниях королевского совета. Мария не хотела, чтобы его украшали драгоценные камни, она хотела, чтобы её «обвенчали простым золотым кольцом, как любую другую девушку». Филипп, привлекательный испанский принц, был на одиннадцать лет младше своей невесты, которой было тридцать семь. Даже по нынешним меркам это немало для первого брака, а уж тогда, в 1554 году... Но королеве хотелось найти надёжную опору, чтобы спокойно править королевством. Ей хотелось стать счастливой. Ей хотелось, чтобы у неё был муж и была семья. Такие простые, такие обычные, такие знакомые желания – и королева Англии пыталась сделать вид, что она обычная невеста, которую, конечно же, ожидает после свадьбы счастливая жизнь.

Но обычной невестой она всё-таки не была. И если вопрос о браке очередной принцессы всегда необыкновенно важен, учитывая связи, которые он за собой повлечёт, то что уж говорить о браке правящей королевы! Не подчинит ли иностранный принц себе и свою супругу, и её страну? Не станет ли Англия просто приданым, которым завладеет Испания? Мария и сама сознавала, что, с одной стороны, она останется главным лицом королевства, с другой – станет женой, которая во всём должна следовать за мужем. Так что переговоров, обсуждений сотен тонкостей, споров было чрезвычайно много. На их фоне личные переживания королевы (а понравится ли она принцу, который много младше её, и к тому же ведь она совсем ничего не смыслит в любви!) почти никем не принимались в расчёт, даже ею самой. Но вот, в конце концов, всё было решено, и принц Филипп поехал в Англию.

Перед прибытием он отправил невесте и её придворным дамам подарки – множество украшений из драгоценных камней. Мария получила, в частности, кулон с огромным бриллиантом и жемчужиной и ожерелье из восемнадцати бриллиантов. Но самым дорогим для королевы подарком стала золотая роза с плоскогранным бриллиантом огромной ценности, который когда-то принадлежал матери Филиппа. Королева так полюбила этот подарок, что надела его в день свадьбы.

Филипп II Испанский. Художник А. Моро

Однако до свадьбы предстояла ещё первая встреча, которую королева ожидала с нетерпением, смешанным, вероятно, со страхом – правильный ли выбор она сделала и если даже мужем принц окажется хорошим, то будет ли он столь же хорошим и соправителем? А принца Филиппа тоже, вероятно, снедало любопытство – что за супругу подыскал ему отец-император?... Королева поступила в тот вечер очень по-женски – при их встрече присутствовали только пожилые придворные. Но кто будет винить леди в том, что она не хотела предстать перед женихом на фоне юных дам, и так чувствуя себя не очень уверенно? Что ж, Мария осталась в восторге! Ну а Филипп... Неизвестно.

Утром 25 июля, в День святого Иакова, покровителя Испании, в Винчестерском соборе состоялось королевское бракосочетание. Разумеется, в честь этого дня собор был разукрашен – гобелены, золотая парча, балдахин пунцового цвета над специально воздвигнутой для венчания платформой с алтарём и двумя тронами по обеим его сторонам, для царственных невесты и жениха.

«Филиппа сопровождали шестьдесят испанских грандов и кавалеров. <...> Одежды его были из богатой парчи, с каймой из крупных жемчужин и бриллиантов. Штаны были из белого атласа, расшитого серебром. На шее висела чеканная золотая цепь, украшенная бесценными бриллиантами, к которой был подвешен орден Золотого Руна; под коленом был орден Подвязки, украшенный разноцветными камнями». Надел он и подарок Марии – парчовую мантию, отделанную малиновыми бархатом и атласом, с золотыми цветами чертополоха и жемчужными пуговицами на рукавах.

Через полчаса после прибытия жениха появилась и невеста. В отличие от Филиппа, перед которым не несли никаких символов власти, перед королевой несли меч.

Мантия Марии, как описывали современники, была из покрытой узорами золотой парчи, длинный шлейф украшали крупные жемчужины и бриллианты. Она почти полностью скрывала платье из чёрного бархата. Нижняя юбка, которую открывали расходящиеся полы платья, была из белого, вышитого серебром атласа, а отвороты широких рукавов, которые, по тогдашней моде, носились подвёрнутыми, были покрыты золотой сеткой, тоже усаженной жемчугом и бриллиантами.

Мария выглядела если не красавицей (которой она, по мнению современников, никогда не была – но разве это так важно?), то, по крайней мере, величественной королевой (что куда важнее). Драгоценности, которыми была усыпана королева, сверкали так, что, по словам современника, было больно глазам. За Марией следовали пятьдесят фрейлин.

Мария Тюдор. Портрет, сделанный к свадьбе с Филиппом. Художник Х. Эворт

«Для свадебной процессии проложили покрытую красной саржей дорожку, которая вела к двум стоящим на платформе тронам. Королева Мария, в сопровождении своих кавалеров и дам, проделала пешком весь путь от двора епископа – шлейф несла её кузина, Маргарита Дуглас, а помогал ей гофмейстер, лорд Гейдж. На платформе она встретилась с женихом, и они заняли свои места на тронах. <...> Перед церемонией выступил Фигероа, регент Неаполя, который провозгласил, что император Карл V, “договорившись о союзе между английской королевой и своим главным сокровищем, сыном и наследником Филиппом, принцем испанским, желая сделать этот союз равным, отрекается от королевства Неаполь в пользу сына, чтобы Мария взяла в мужа не принца, но короля”. <...> Когда прозвучал вопрос “кто отдаёт эту женщину”, возникло замешательство. Тогда маркиз Винчестерский вместе с графами Дерби, Бедфордом и Пемброком выступили вперёд и передали её мужу от имени всего королевства. <...>»

Хотя в тот период Англия была ещё официально отлучена от церкви, было получено специальное разрешение от папы римского на совершение брачной церемонии. Церемония эта, по старинным традициям с венцами, которые держали над женихом и невестой, была длинной и шла не один час; однако набожная Мария всё время была сосредоточена и смотрела не отрываясь на священные символы, чем подкупила испанских придворных своего жениха.

«Филипп и Мария, Божией милостью король и королева Англии, Франции, Неаполя, Иерусалима и Ирландии, защитники веры, принцы Испании и Сицилии, эрцгерцоги Австрии, герцоги Милана, Бургундии и Брабанта, графы Габсбургские, Фландрские и Тирольские» – так прозвучали титулы супругов. Теперь уже вытащили из ножен и второй меч – для Филиппа.

«Зал во дворце епископа, где проходил свадебный пир, был убран золотом и шелками. В конце его стоял величественный помост, к которому вели четыре ступеньки. На нём, под балдахин, стояли кресла для королевы Марии и её супруга. Перед ними стоял стол, а дамы королевы, испанские гранды и английская знать пировали внизу». При этом, заметим, кресло королевы Марии было разукрашено более роскошно, чем у её супруга, и стояло с более почётной стороны, то есть с правой. Да и тарелка перед нею стояла золотая, а перед ним – серебряная. Да, формально Филипп становился королём Англии... И всё-таки настоящей правительницей оставалась Мария.

«Епископ Гардинер сидел за королевским столом – тот был сервирован тарелками из чистого золота. Буфет, девять полок которого были уставлены золотыми вазами и серебряными блюдами, был, скорее, просто для красоты. На галерее напротив размещались музыканты, которые играли чудесную музыку. Затем, между первой и второй переменной блюд, вошли герольды в роскошных мантиях, и произнесли от имени королевства поздравительную речь на латыни, прославляющую брак». Испанцы были поражены роскошью – огромным количеством дорогой посуды, и не менее огромным количеством блюд (четыре переменные с тридцатью блюдами в каждой). Филиппу прислуживал его испанский приближённый, а Марии – английские аристократы.

«В шесть часов убрали столы, и начались танцы». Увы, тут не обошлось без затруднений – испанцы не знали английских танцев, а англичане – испанских. Пофлиртовать с прелестными фрейлинами испанцам тоже хотелось, но и тут возникла преграда – язык. Самодовольный испанский придворный, оставивший воспоминания об этом дне, написал, что английские придворные весьма обрадовались этому, видимо, полагая, что иначе бы англи-

чанкам перед испанцами просто не устоять. Новобрачные решили танцевать «на немецкий манер», и тут Мария смогла проявить себя – она превосходно танцевала! Куда лучше, чем блестящий во всех остальных отношениях её муж.

«А в девять часов веселье завершилось – королева и король Филипп покинули празднество». Утром, после первой брачной ночи, вновь столкнулись испанские и английские традиции – испанские гранды явились поздравить монаршую чету в постели, что вызвало возмущение английских фрейлин королевы, которые придерживались совсем других взглядов (королевы вообще не показываются на публике в этот день). Но это же, право, оказалось самой маленькой из проблем, которые поджидали эту чету.

Короткая совместная жизнь началась. Через четыре года королева Мария скончается – и кто знает, произошло бы это так быстро, если бы Филипп не разбил ей сердце...

Франциск II и Мария Стюарт

1558 год

Королева Мария Шотландская была замужем трижды. Но если бы свадьба в её жизни была только одна, если бы юная Мария не овдовела, если бы она осталась королевой Франции, быть может, мы бы не обрели легенду, зато она была бы куда счастливее?...

Когда французскому дофину Франциску было четыре года, во Францию приехала его невеста и будущая супруга, дочь француженки Марии де Гиз и шотландского короля Иакова V, пятилетняя королева Шотландии Мария Стюарт. Им предстояло воспитываться вместе; к счастью, высокая, красивая, очень живая девочка не оттолкнула от себя низенького, не выглядевшего на свой возраст болезненного мальчика. Наоборот, Франциск и Мария сблизились почти сразу. Юная королева росла, и французский двор всё сильнее подпадал под её очарование, включая и будущего свёкра, короля Генриха II. Шли годы. Влияние Гизов, семьи Марии с материнской стороны, всё время и, несмотря на молодость дофина, они всё больше настаивали на скорейшей его свадьбе. Дофин, обожавший свою красавиц невесту, был бы только счастлив. А вот Екатерина Медичи и Диана де Пуатье, законная супруга и любовница Генриха, враждовавшие всю жизнь, на сей раз обе были не в восторге – ни той ни другой не хотелось возвышения Гизов. Однако король их не слушал.

19 апреля 1558 года в Лувре состоялась церемония обручения. Сияющую невесту в белом атласном платье, расшитом драгоценными камнями, к кардиналу Лотарингскому подвёл король Генрих II, а Антуан де Бурбон, король Наварры, сопровождал жениха. Марии было пятнадцать с половиной, Франциску – четырнадцать. Кардинал торжественно соединил их руки, а они, ещё почти дети, обменялись кольцами. После этого состоялся великолепный пир.

Однако последовавшие празднества превзошли этот день по размаху и великолепию. Ещё бы! Венчались французский дофин и шотландская королева, приносившая в приданое целую страну.

Франциск II. Художник Ф. Клуэ

Свадьба состоялась 24 апреля в сердце Парижа. Собор Нотр-Дам и дворец архиепископа Парижского соединили высокой, около четырех метров, деревянной галерей, по которой должна была пройти свадебная процессия. Галерея соединялась с огромным помостом, выстроенным у входа, и шла дальше внутри самого собора вплоть до алтаря. Над ней тянулся бархатный навес лазурного цвета с вышитыми золотыми геральдическими лилиями, но с

боков галерея была открыта, так что все могли видеть жениха с невестой и тех, кто их сопровождал.

Место на помосте заняли иностранные послы и сановники, простые парижане огромными толпами заполнили всё пространство кругом, и праздник начался. Первыми, в десять утра, появились швейцарские алебардщики и полчаса под музыку демонстрировали своё умение владеть оружием. Затем, по команде дяди невесты, герцога Гиза, который был распорядителем торжества, появились музыканты в красных и жёлтых костюмах. После их выступления торжественно двинулась свадебная процессия: разодетые придворные кавалеры, принцы и принцессы крови, за ними – представители церкви. Далее следовал жених, четырнадцатилетний Франциск, в сопровождении своих младших братьев (будущих королей Карла IX и Генриха III) и короля Наваррского; его отец, Генрих II, вёл невесту, а замыкала шествие Екатерина Медичи в сопровождении брата наваррского короля и своих фрейлин.

Однако звездой этого праздника была Мария Стюарт. Утром она написала письмо своей матери Марии де Гиз, вдовствующей королеве Шотландии, что чувствует себя счастливейшей женщиной в мире. Она была юна, она была красива, она была королевой одной страны и теперь венчалась с будущим королём другой. Она была ослепительна и наверняка знала это.

Каким было платье невесты в тот день, источники рассказывают по-разному. В одних упоминается, что платье было белоснежным, необыкновенно богатым, вышитым бриллиантами и другими драгоценными камнями и очень шло её светлой коже. В других – что это роскошное белое платье Мария надевала в день обручения, а на свадьбе была в голубом бархате, вышитом серебряными лилиями и драгоценными камнями. Как бы там ни было, белое платье на свадебные торжества Мария действительно надевала, а ведь траурный цвет французских королей именно белый... Не пройдет и трёх лет, как ей придётся вновь его надеть.

Мария Стюарт. Художник Ф. Клуэ

Шею Марии украшал подарок короля, большая драгоценная подвеска с его инициалами; волосы юной невесты были распущены по плечам, а голову венчала небольшая золотая корона, полностью усыпанная жемчугом, бриллиантами, сапфирами, рубинами и изумрудами. Хронист Брантом писал: «В то величественное утро, когда она шла к алтарю, была она в тысячу раз прекраснее богини, спустившейся с небес; и также выглядела она после полудня, когда танцевала на балу; и ещё более прекрасна она была, когда опустился вечер и она сдержанно, в надменном безразличии, отправилась завершать консуммацией обет, данный у алтаря Гименея. И все при дворе и в великом городе возносили ей хвалу и говорили, что благословен будь сто раз принц, которого сочетали с такой принцессой. И если Шотландия представляла собой большую ценность, то её королева – ещё большую; и даже если бы

не было у неё короны или скипетра, божественно прекрасная, сама она стоила бы целого королевства; однако, будучи королевой, сделала она своего супруга счастливым вдвойне».

Жениха и невесту встретил архиепископ Парижский и препроводил в королевскую часовню. Там они преклонили колена на золотые парчовые подушки и приняли причастие.

В то время, пока шла торжественная церемония, горожанам несколько раз бросали золотые и серебряные монеты от имени короля и королевы Шотландии. Это, разумеется, вызвало бурный восторг, но и не менее бурные столкновения – буквально в нескольких шагах от роскошного помоста началась давка и драка за монеты, так что герольдам пришлось вмешаться, чтобы дело не закончилось чьей-нибудь смертью.

После венчания свадебная процессия отправилась обратно во дворец архиепископа на свадебный обед, за которым последовал бал. Золотая, усыпанная драгоценностями корона Марии стала слишком давить ей на лоб, поэтому один из придворных держал её над головой королевы Шотландии и дофины Франции в течение почти всего обеда, а на балу Мария танцевала уже без короны.

Но на этом праздник не закончился. После бала, в пять часов, свадебная процессия направилась в официальную резиденцию городского управления, на другой конец Сите, причём маршрут был проложен не самый короткий, а, наоборот, подлиннее, чтобы парижане могли полюбоваться на кортеж. Мария ехала в позолоченном экипаже вместе со своей свекровью Екатериной Медичи, Франциск и король Генрих сопровождали их верхом на конях с очень богатой упряжью.

Роскошный банкет навсегда остался в памяти тех, кто на нём присутствовал. Впрочем, забыть представления, которые разыгрывались перед гостями, действительно трудно – например, семь прекрасных девушек в роскошных костюмах, которые изображали семь планет, и пели эпиталаму; или двадцать пять пони с позолоченной упряжью, на которых ехали «маленькие принцы в сияющих одеждах»; белые пони влекли повозки с античными богами и музами, и все они славили новобрачных.

Кульминацией представления стало морское сражение. В зал въехали шесть кораблей, убранных парчой и алым бархатом, с серебряными мачтами и парусами из серебристого газа. Они были механическими и двигались по раскрашенному полотну, изображавшему морские волны, а тончайшие паруса надувались от ветра (скрытых мехов). На палубе каждого корабля было по два сиденья, одно занимал капитан, чьё лицо было скрыто под маской, другое же было пустым. Совершив семь кругов по залу, каждый корабль остановился перед дамой, по выбору своего капитана. Дофин – перед своей матерью, королевой, а король – перед Марией. Когда суда, на этот раз со своими прекрасными пассажирками, вновь объехали зал, зрителям пояснили, что перед ними – плавание за Золотым руном, которое возглавлял Язон. Захватив руно – Марию, отныне он «создаст империю», которая будет включать Францию, Англию и Шотландию.

В честь только что заключённого брачного союза на этом празднике прозвучало немало речей и стихотворений, и главным мотивом было объединение Франции с соседями – разумеется, при её главенстве. Что ж, всего через полгода после этой свадьбы скончается английская королева Мария Тюдор, а на престол взойдёт её сводная сестра Елизавета; чем же хуже, полагали во Франции (и не только) католичка Мария Стюарт, законная королева Шотландии, правнучка Генриха VII Тюдора, чем его внучка Елизавета, протестантка, дочь казнённой матери? Так начнётся длинная история, которая в конце концов приведёт Марию Стюарт на плаху.

И всё же исход мог бы, вероятно, стать иным, если бы идеальный династический брак между Францией и Шотландией, между юными Марией и Франциском, не закончился так рано со смертью последнего – бедняжка скончался, когда ему не исполнилось и шестна-

дцати. Жизнь Марии во Франции, где она росла, где её обожали, закончилась. Золотая клетка оказалась распахнутой, но жизнь на воле сохранить нелегко...

Царь Иван IV Грозный и Марфа Васильевна Собакина

28 октября 1571 года

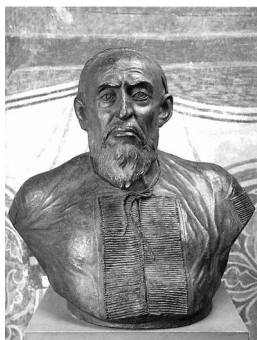
Православному человеку положено жениться не больше трех раз, но царь Иван Васильевич по прозвищу Грозный под венец целых семь раз вставал. А уж сколько чужих жен познал и девиц обесчестил – не сосчитать. Очень падок был на женскую красоту и ни в чем себе не отказывал. Впрочем, сейчас некоторые историки утверждают, будто Грозного враги оклеветали. Будто не брал чужих жен и девиц не бесчестил. Но что царь семь раз женат был – это уже такой факт, с которым никакие защитники не поспорят.

Выбирая себе третью жену, Иван Васильевич хотел взять девицу прежде не только красивую, но и здоровую, чтобы не только утехой была, но и детей ему рожала. У него уже были дети от первой, любимой Анастасии, но он наследниками был не слишком доволен. И устроил величайшие в русской истории смотрины! Таких смотрин не случалось ни до, ни после. Он превзошел отца своего, который, в первый раз выбирая себе жену, приказал свезти на смотрины полторы тысячи девиц. Немцы И. Таубе и Э. Крузе, в ту пору жившие в России, оставили воспоминания о том, как на смотрины к Ивану Грозному привезли больше двух тысяч самых красивых и здоровых девушек. И всех их царь смотрел лично.

Именно поэтому третья свадьба Ивана Грозного оставила самое яркое впечатление в памяти народной.

И еще потому, что молодая жена вскоре после свадьбы скончалась...

На девиц, достойных стать царской избранницей, должны были «доносить» свахи, которые были вхожи во все дома, где имелаась невеста на выданье. Не все бояре мечтали породниться с Грозным царем, некоторые предпочитали не возноситься высоко, дабы не пришлось падать глубоко, если царя новая жена чем-то разочарует... Красавиц свозили из всех городов. Требования к претенденткам были высокие. Чтобы не только красавица, но еще и непременно знатного рода, а не худородная. Да и в духовном плане должна была соответствовать будущей своей высокой миссии. Как писал историк Николай Карамзин, «но не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства ее, приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединенные с умом основательным; не говорят о красоте: ибо она считалась уже необходимою принадлежностью счастливой царской невесты».

Иван Грозный. Антропологическая реконструкция

Претенденток свезли в Александровскую слободу. Приводили их на смотрины к царю партиями по десять человек. Иван Грозный «входил в комнату, кланялся им, говорил с ними немного, осматривал и прощался с ними». Тех, кто царю не приглянулся, отправляли домой со щедрым подарком.

После первого осмотра оставили сначала 24 девицы, потом только 12 девиц, и их старухи – знахарки и повитухи – осматривали обнаженными в поисках тайного изъяна или нездоровья и, конечно же, проверяли, девственны ли они. Говорили, будто царь за этим осмотром подглядывал через специальное оконце, чтобы самому убедиться в телесном совершенстве избранницы. Служивший при дворе Ивана Грозного английский врач Елисей Бомелий должен был исследовать мочу каждой из девушек и так определить, нет ли какого совсем уж скрытого недуга.

В конце концов определилась «победительница»: дочь небогатого коломенского дворянина Василия Степановича Собакина Большого.

Марфа Собакина оказалась самой красивой и самой здоровой из двух тысяч девушек, представших пред очами Ивана Грозного. Была она рослой для тех времен, пышнотелой, с роскошной, тяжелой косой до пят: коса эта сохранилась в ее гробнице...

Из числа предложенных ему невест Иван Васильевич выбрал и жену для сына своего, царевича Ивана, Евдокию Богдановну Сабурову.

Марфа Собакина. Антропологическая реконструкция

26 июня 1571 года царь Иван IV объявил о своей помолвке с Марфой Собакиной. Родственники ее были ко двору приближены и награждены. Невесту перевезли в царские палаты и начали готовить к венчанию.

Иван Забелин рассказывал о царском свадебном обряде: «Введение невесты в царские терема сопровождалось обрядом ее царственного освящения. Здесь с молитвою наречения на нее возлагали царский девичий венец, нарекали ее царевною, нарекали ей и новое царское имя. Вслед за тем дворовые люди “царицына чина” целовали крест новой государыне. По исполнении обряда наречения новой царицы рассылались по церковному ведомству в Москве и во все епископства грамоты с наказом, чтобы о здравии новонареченной царицы Бога молили...»

И вот тут-то девушка, которая совсем недавно цвела здоровьем, начала хворать: ее беспрерывно тошнило, она потеряла румянец и угасала буквально на глазах... За две недели бедняжка истаяла.

Иван Васильевич все же решил жениться на Марфе. Ведь едва ли не до начала XX века считалось, что стоит занемогшей девице познать мужчину, как она заново расцветет...

Венчание состоялось 28 октября. Но познать мужчину Марфа Васильевна вряд ли успела: сразу после свадьбы она слегла и уже не вставала. Она скончалась 13 ноября. «И толико быша за ним царица Марфа две недели и преставися...» Царь и сам заявлял, что девство своей жены он не порушил, потому брак их не может считаться действительным и он имеет право жениться еще раз. Конечно, Иван Васильевич мог и солгать, чтобы получить разрешение на новую женитьбу, но в данном случае, скорее всего, он говорил правду. Уж очень плоха была молодая царица, за ней требовался круглосуточный уход, умирала она в мучениях, – не до плотских тут уж было утех.

Царь провел следствие. Сначала заподозрил тех бояр, которые хотели за него своих дочек выдать, но после допроса слуг, приставленных к Марфе Собакиной, выяснилась печальная правда: мать девушки передала ей зелье, купленное у колдуньи, которое должно было способствовать чадородию! Марфа покорно зелье выпила, и с этого дня начала умирать. В бешенстве от этого открытия, Иван Грозный расправился и со слугой, передавшим зелье, и со всеми родственниками несчастной Марфы.

Поскольку третий брак его физически не состоялся, царь имел право повторить опыт и вскорости женился на Анне Колтовской, которая тоже участвовала в смотринах и тоже ему понравилась... И которую он три года спустя заточил в Тихвинский монастырь.

Король Генрих Наваррский и принцесса Маргарита Валуа

18 августа 1572 года

Их свадьбу называют «кровавой» – из-за того, что она стала прелюдией к событию куда более значительному для истории Франции, чем очередная королевская свадьба: к Варфоломеевской ночи, во время которой католики едва ли не поголовно вырезали прибывших на свадебные торжества гугенотов... Впрочем, даже если бы не случилось кровопролития, все равно эта свадьба осталась бы в истории как великая: впервые католическая принцесса венчалась с юным королем, принадлежавшим к реформатской церкви, представителей которой во Франции называли гугенотами.

Принцесса Маргарита Валуа, дочь Генриха II и Екатерины Медичи, считалась красавицей: единственным недостатком ее фигуры был выпирающий живот. Его скрывал корсет и пышные юбки, но когда обнаженная Марго должна была предстать перед любовником, она всегда ложилась прежде, чем мужчина мог ее увидеть: когда она лежала, этот единственный недостаток исчезал. Зато черные шелковые простыни на ее постели подчеркивали ослепительную белизну кожи, и особо галантные любовники часто сравнивали Маргариту Наваррскую с восхитительной жемчужиной, сияющей и округлой, покоящейся в черной раковине: ведь «маргарита» переводится как «жемчужина»! Ее так и называли – «жемчужина Валуа».

Из всех детей Екатерины Медичи именно она была самой строптивой. И как утверждали современники, ей не раз пришлось терпеть от матери побои. Да, Екатерина Медичи, подобно какой-нибудь простолюдинке, могла отвесить затрещину как собственной дочери, так и любой из фрейлин.

Генрих Наваррский. Гравюра XIX в. по прижизненному портрету

Марго – так ее называли в семье и при дворе – развилась очень рано, и сплетники утверждали, будто она в одиннадцать лет отдалась конюшему. А затем принялась менять любовников как перчатки! Или даже чаще, чем перчатки, поскольку в XVI веке перчатки считались изысканным аксессуаром, а проблем с мужчинами у такой красавицы, как Марго, никогда не было. Среди любовников ее в разное время оказались три ее брата: два старших – Карл и Генрих – и младший, Франциск, герцог Алансонский. Это, разумеется, несколько принадевало ее поэтический облик даже в глазах распутных современников, не говоря уже о более целомудренных историках и писателях XIX столетия. Но случалось Марго познать и истинную любовь. И когда ей случалось по-настоящему полюбить, она старательно таила свои чувства от всего света – и особенно от матери. Она знала: Екатерина начеку, как кор-

шун, ждет, чтобы нанести очередной удар! По некоему странному совпадению, Екатерина Медичи неоднократно уличала в измене и казнила возлюбленных своей дочери Маргариты. Придворные считали, что это делалось только для того, чтобы причинить боль непокорной и отнять у нее то, чего лишена была сама Екатерина, – любовь. О Маргарите говорили еще, что сердца всех своих казненных любовников она балзамирует, промыв и набив изнутри пучком ароматических трав, а затем оправляет в золото и носит под юбкой на особой золотой цепи. И будто бы этих сердец не менее дюжины...

Величайшей ее любовью был герцог Анри де Гиз. Величайший воин и самый блистательный кавалер при дворе, он мог не опасаться Екатерины Медичи, потому что сам имел права претендовать на престол, к тому же был популярен в армии и являлся фактическим главой французских католиков. Марго не скрывала связь с Гизом. Она даже надеялась выйти за него замуж. Но брат, король Карл IX, решительно запретил ей даже мечтать об этом. Гиз женился на принцессе Екатерине Клевской. А Марго отдала в жены королю Наварры, молодому Генриху, предводителю протестантов. Таким образом, по мнению одних историков, Екатерина Медичи и Карл IX хотели примирить католиков с гугенотами, а по мнению других – превратили свадебные торжества в ловушку для гугенотов... В любом случае эта свадьба должна была положить конец религиозным распрям между католиками и гугенотами. Но случилось с точностью до наоборот: свадьба Генриха и Маргариты вошла в историю как «кровавая свадьба», а религиозные войны терзали Францию еще много лет.

Маргарита Валуа. Гравюра XIX в. по прижизненному портрету

Генрих Наваррский был известен веселым нравом, любвеобильностью, крепким здоровьем, пренебрежением к личной гигиене и увлечением блюдами, сдобренными чесноком. Два последних пункта могли бы сделать его непривлекательным, но... Не сделали. Женщинам он нравился. Понравился в конце концов и Маргарите.

Правда, между семьями королей Наварры и королей Франции не все было гладко. Например, все знали, что Екатерина Медичи отравила Жанну д'Альбре, мать Генриха Наваррского. Она прислала ей в подарок надушенные перчатки, пропитанные ядом. Жанна умерла в мучениях. А поскольку Екатерина имела при дворе не только собственного лекаря и астролога, но и собственного составителя ядов, никто не сомневался в том, что это не случайная смерть. Екатерина надеялась, что сможет влиять на юного осиротевшего короля, когда не станет его властной матери... Она ошиблась. Хотя одной из своих целей добилась: Жанна выступала против брака между Маргаритой и Генрихом. Без нее свадьбу удалось сладить.

18 августа 1572 года двадцатилетнюю Маргариту Валуа обвенчали с девятнадцатилетним Генрихом Наваррским. Венчание происходило весьма своеобразно, поскольку новобрачные принадлежали к разным концессиям: Маргарита – католичка, Генрих – гугенот... Маргарита с родней и прибывшими на свадьбу католиками находилась в соборе Парижской Богоматери и давала брачные обеты. Супруг вместе со своими сторонниками ожидал ее на паперти.

Современники вспоминали, будто во время венчания невеста чуть-чуть замешкалась с ответом, стоя на коленях перед алтарем, и Екатерина Медичи в присутствии сотен людей встала со своего места и ударила дочь кулаком по затылку: голова невесты качнулась вперед – и священник принял это за кивок... Впрочем, возможно, это всего лишь исторический анекдот.

Последовали пять праздничных дней, во время которых обстановка накалялась, и в ночь с 24 на 25 августа произошла печально знаменитая Варфоломеевская ночь: массовое избиение католиками гугенотов, начавшееся с покушения на популярного лидера гугенотов, адмирала Колиньи.

Испанский посол с радостью доносил королю Филиппу II: «Когда я это пишу, они убивают всех, они сдирают с них одежду, волочат по улицам, грабят их дома, не давая пощады даже детям. Да будет благословен Господь, обративший французских принцев на путь служения Его делу! Да вдохновит Он их сердца на продолжение того, что они начали!»

Было убито, по разным сведениям, от трех до пяти тысяч человек (хотя некоторые современники называли и цифру в 30 тысяч, вряд ли она достоверна).

Впрочем, католики стремились преуменьшить количество убитых и утверждали, будто гугеноты преувеличили потери.

И до сих пор между историками нет согласия в оценке как Варфоломеевской ночи, так и предшествовавшей ей свадьбы.

Игорь Дубровский писал: «Чтобы вникнуть в эту ситуацию, надо себе представить особый идеологический строй французской монархии эпохи Ренессанса – монархии, пронизанной духом гуманистической культуры и подчиненной программе неоплатонической философии. Королевская власть при Карле IX всерьез мыслила себя как сила неоплатонической любви, преобразующая мир, проявляющаяся как господство согласия между людьми. К практическим шагам в данном направлении, например, можно отнести основание по инициативе Карла IX Академии музыки и поэзии. Предполагалось, что воссозданные античные музыкально-поэтические жанры, помогая людям услышать гармонию, дадут им понятие о духовной красоте, управляющей Вселенной, и тем самым позволят правительству бороться с варварством и хаосом. Вся деятельность королевского двора накануне Варфоломеевской ночи служила преодолению взаимного отчуждения недавно враждовавших партий. Ритуал бракосочетания принца-гугенота и принцессы-католички отсылает нас к воображаемому миру неоплатонической магии. Предусматривалось, что группы католиков и гугенотов будут идти навстречу друг другу, в точности следуя драматургии гармоничного слияния противоположностей. Организованная в соответствии с астрологическими расчетами, церемония была призвана произвести над королевством магическое действие, являя образ Марса, бога войны и человеческих страстей, плененного богиней любви Венерой. В русле гуманистических утопий Ренессанса магический обряд навсегда изгонял войну и раздор, знаменуя наступление золотого века. На деле же королевская власть оказалась в плену своих идей и иллюзий, уверовав в собственное всемогущество и способность пышными торжествами и мудрыми указами навязать подданным религиозный мир. Одним выстрелом из аркебузы установление золотого века мира и согласия, который так счастливо начался благодаря прекрасному союзу Марса и Венеры, оказалось отсроченным на неопределенное время...»

Современники считали, что Екатерина готова была пожертвовать дочерью, если вдруг ту решат убить вместе с мужем. Однако Марго не только спаслась сама, но спасла еще и нескольких гугенотов, в том числе своего мужа Генриха Наваррского и своего будущего любовника шевалье Лерарка де Ля Моля.

Генриха принудили принять католичество, после чего долго держали узником в Лувре. Екатерина никак не могла решить, что ей выгоднее – убить его или держать заложником. В конце концов Генрих бежал, а поплатилась за это Марго, которую мать подозревала в пособ-

ничестве побегу. Марго тоже была заточена. Правда, она в заточении развлекалась своим обычным способом: меняя любовников.

История по своему перетасовала карты... Все дети Екатерины Медичи умерли, не оставив потомков. На трон вошел ее ненавистный зять – Генрих Наваррский. С династией Валуа было покончено: началась эпоха династии Бурбонов. Союз Генриха и Маргариты, начавшийся кровавой свадьбой, не принес добрых плодов. Был даже период, когда супруги воевали друг против друга. Были и периоды перемирия. Но Маргарита не родила Генриху детей. И это стало поводом для развода. Впрочем, они сохранили добрые отношения. Генрих женился на Марии Медичи – на родственнице своей ненавистной тещи! – впрочем, это был брак по расчету, а Генрих не стал бы великим королем, если бы шел на поводу у эмоций. А ведь при нем Франция наконец вступила в период мира и процветания. У Генриха и Марии родился сын Людовик. И в его лице бездетная Маргарита обрела сына. Дофин обожал свою «маму-девушку», как называл он Маргариту, и последние годы Маргариты были согреты любовью ребенка. А Генрих Наваррский все же пал жертвой религиозных распрей. Его убил католический фанатик Франсуа Равальяк.

Фердинанд I Медичи и Кристина Лотарингская

1589 год

Это была свадьба, потрясшая Европу в своё время не меньше, чем свадьба Карла Смелого за век до того. И если о той свадьбе можно сказать, что она была самым роскошным цветком Средневековья, то эта, несомненно, была самым роскошным плодом Ренессанса. Медичи, могущественная семья герцогов Тосканских, за несколько веков отпраздновали множество бракосочетаний. Однако ни одно из них, ни до, ни после, не могло сравниться со свадьбой Фердинанда I и французской принцессы. То, что было обычной составляющей тогдашних свадеб, превосходило другие своей пышностью, а то, что было внове, поражало воображение. Музыка, представления, танцы – эта свадьба стала одним из самых ярких спектаклей эпохи Возрождения.

В 1587 году скончался герцог Франческо I Медичи, не оставив наследников мужского пола, и младшему брату, кардиналу Фердинанду, пришлось занять его место – Тосканское герцогство от этой замены, можно сказать, только выиграло, поскольку Фердинанд оказался отличным правителем. Однако после свадьбы ему, конечно, предстояло расстаться с кардинальской шапкой.

Избранницей нового герцога стала Кристина Лотарингская, дочь герцога Лотарингского и принцессы Клод Валуа. Клод была любимой дочерью французской королевы Екатерины Медичи, а Кристина была её любимой внучкой. Самому Фердинанду Кристина приходилась относительно дальней родственницей, а вот родство с тогдашним королём Франции, Генрихом III, было двойным. Он приходился ей одновременно и родным дядей, будучи братом матери, и деверем, поскольку женился на её сестре. Словом, она была очень подходящей невестой, а бабушка, королева Медичи, тосковавшая по любимой Флоренции, мечтала, чтобы кто-нибудь из её родных отправился туда. Словом, это был почти идеальный династический брак, а поскольку впоследствии выяснилось, что вкусы и интересы Фердинанда и Кристины весьма схожи, то брак и сам по себе оказался очень гармоничным.

Из-за определённых политических событий свадьбу пришлось откладывать, хотя уже в декабре 1588 года невеста получила в подарок из Флоренции от своего жениха прекрасные драгоценности; однако в начале января 1589 года скончалась Екатерина Медичи, так что Франция была в трауре. И поэтому свадьба по доверенности состоялась только 20 февраля в королевской часовне Блуа. Присутствовали король и королева Луиза, сестра невесты, и весь французский двор. 27 февраля Кристина наконец покинула Францию и отправилась к жениху. Говорят, на прощание Генрих III, чья страна переживала далеко не лучшие дни, сказал ей печально: «Сколь же счастлива ты, племянница, ибо тебе предстоит жить в мирных, спокойных землях и ты не увидишь разрушения моего бедного королевства».

Фердинанд I Медичи. Гравюра XIX в. по прижизненному портрету

Путешествие заняло почти два месяца – сперва три недели до Марселя, оттуда морем и вновь в карете и верхом. Её опережало приданое – оно должно было прибыть на место раньше, чтобы, к примеру, флорентийские портнихи успели изготовить из присланных тканей наряды по местной моде. 11 апреля в марсельской гавани Кристина поднялась на борт корабля, которому предстояло доставить её в Италию, где её приветствовал младший брат жениха, дон Пьетро. В честь высокой гостьи над палубой растянули огромный тент из розового дамаска, украшенный красными шёлковыми лентами, а спальную каюту Кристины отделали золотой парчой и зелёным шёлком, так что она напоминала шкатулку для драгоценностей. Своему будущему мужу Кристина писала: «Я почувствовала великую радость, встретив Вашего брата и увидев Ваши суда, которые восхитительны, особенно моё. Ступив на него, я почувствовала, что перенеслась в рай».

Ей предстояло ещё двухнедельное путешествие, а затем – грандиозная свадьба. Однако все те празднества, которые затем последовали и длились весь прекрасный флорентийский май – это всего лишь верхушка айсберга, огромного айсберга подготовки к свадьбе, которая началась едва ли не за год до того.

Во Флоренции готовили театрализованные представления, прообразы того, что вскоре станет «оперой». Композиторы, либретисты, художники, гравёры, декораторы, музыканты, а также танцоры, певцы и многие другие... речь шла не о том, чтобы в одиночку, в своей мастерской, создать произведение искусства, а объединиться для созданий грандиозных представлений, что, естественно, требовало, как сказали бы сейчас, «высочайшего уровня организации». Для спектаклей писали сценарии и музыку, возводили сцены, готовили декорации со сложными механизмами для спецэффектов, рисовали эскизы, а затем шили сотни костюмов, проводили репетиции (первые прошли ещё в декабре 1588 года, почти за полгода до свадьбы!), и это, разумеется, требовало участия не только деятелей искусства, но и всевозможных ремесленников, от портных и плотников.

Кристина Лотарингская. Гравюра XIX в. по прижизненному портрету

Кроме того, готовились и непосредственно к свадьбе – триумфальные арки для въезда невесты, новые посуда, мебель и столовое бельё, отделка помещений дворцов Питти, Уффици, Веккьо и загородных вилл, которые предстояло посещать молодожёнам и где планировали разместить гостей. В садах возводили гроты, фонтаны, устанавливались статуи; на кухнях закупали провизию; готовили роскошные наряды и подарки... Словом, как писали исследователи, подготовка к свадьбе, по крайней мере на несколько месяцев, стала одним из крупнейших предприятий Флоренции.

Кульминация должна была вот-вот наступить. 18 апреля невеста герцога прибыла в Геную, где ей устроили торжественную встречу, 24-го – в Ливорно, а оттуда в карете сразу

же выехала в Пизу. Она была уже в своей новой стране, оставалось достичь Флоренции. И наконец, 30 апреля этот день настал. Во Флоренцию стекались толпы народу – из Рима, Неаполя, Генуи и других городов; уже в шесть утра выдвинулась церковная процессия, две тысячи участников которой было одеты в золотую парчу и бархат. Наверное, в этот день дома остались только те, кто не мог ходить, – все остальные двинулись встречать невесту! Герцог Фердинанд, его семья и свита были одеты в белый шёлк и золотую парчу, усыпанные драгоценными камнями, и стояли под огромным навесом тех же цветов, рядом – герцог Мантуи со свитой, послы и другие важные лица.

И вот, наконец, – карета Кристины. Вплоть до самого прибытия во Флоренцию она носила исключительно чёрное, в знак траура по бабушке. Однако ради этого дня наконец оделась как подобает герцогине – в платье из золотой парчи по французской моде.

Сначала состоялась коронация – пятнадцать епископов благословили великолепную корону, а Фердинанд возложил её на голову коленопреклонённой невесты. После коронации герцог отправился в палаццо Питти, а герцогиня, верхом на белой лошади, покрытой золотой попоной, в сопровождении огромной свиты медленно проехала по улицам Флоренции, при этом пятьдесят молодых флорентийцев в одеждах, отделанных золотом и серебром, несли над ней роскошный балдахин. Корону герцогини вёз архиепископ Пизы. Им предстояло проехать семь триумфальных арок, расположенных в важных местах города.

Поначалу процессия направилась к палаццо Веккьо, а затем к Дуомо, где невесту приветствовал её новый родственник, архиепископ Алессандро Медичи. Несмотря на солнечный день, в соборе горело тридцать восемь тысяч свечей; звучала музыка, а под потолком парило «облако» с актёрами, изображавшими ангелов. Пока шла служба, облако спустилось вниз, туда, где сидела невеста, и затем один из одетых в белое певцов спел так, что все подумали, «будто очутились в раю». . . . День закончился в новых апартаментах герцогини, где она поужинала в окружении приближённых и отправилась отдыхать. Нужно было набираться сил перед тем, что предстояло назавтра и в последующие дни.

В течение всего мая шли свадебные торжества! 1 мая состоялся праздник майского шеста, 2-го, в театре Уффици, состоялась премьера интермедии «Ла Пеллегрина» («Паломница»), написанная ещё в 1564 году, но так и не поставленная. Паломница Друзилла, героиня, воплощающая собой женский идеал той эпохи, прибывает в Пизу в поисках Лукрецио, своего мужа, который отправился в путешествие и не вернулся. Героиня переживает ряд приключений и в конце воссоединяется с супругом, который ошибочно считал, что её нет в живых. Брат к тому времени уже покойного автора немного переделал пьесу, и, в частности, Друзиллу, которая изначально была испанкой, сделали французенкой – чтобы сравнение с невестой Кристиной Лотарингской стало более прозрачным.

3-го мая в одной из церквей было организовано пышное действо на религиозную тему – «Нахождение Святого креста и чудесное явление Девы Марии», 4-го, на площади Санта-Кроче, две команды, собранные из местных молодых аристократов, играли в мяч, 5-го состоялась премьера комедии «La Zingara» («Цыганка»), 7-го, в Пасхальное воскресенье, – торжественная месса. 8 мая – травля быков, 9-го – торжественное перенесение мощей Святого Антония в новую часовню при церкви Святого Марка, 10-го – турнир. 11 мая сначала состоялся парад, а затем так называемая «наумахия». Двор палаццо Питти заполнили водой, и там началось шуточное, но весьма впечатляющее сражение на кораблях!

13 и 15 мая давали комедию «La Pazzia» («Безумие»), написанную специально к свадьбе. Кульминационной сценой в «Безумии» было, собственно, безумие героини, когда она внезапно начинает разговаривать на разных языках. Герцогиня Кристина, как передавали, была в таком восхищении, что даже не могла выразить его как следует! А 23-го состоялся турнир, 28-го – парад, в котором молодые аристократы Флоренции представляли различные аллегории. В начале июня интермедии повторили ещё раз.

Словом, времени отдыхать ни у герцога с герцогиней, ни у участников, ни у гостей не было! А уж денежные вопросы пришлось решать ещё много времени спустя, и только богатства семьи Медичи помогли не пойти на финансовое дно после таких праздников и таких трат.

Обычно свадьба заканчивается тогда... когда заканчивается. Но не в этот раз. Тексты и иллюстрации, подробно описывавшие самые разные аспекты торжеств, от въезда Кристины Лотарингской до представленных интермедий, и накопленный опыт постановок послужили немалым подспорьем для дальнейшего развития театрального и музыкального искусства Флоренции, всей Италии, да и остальной Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.